

18+

ТОЛЕРАНТНОСТЬ
К БЕЗУМЦАМ

МАКСИМ МАЛЯВИН

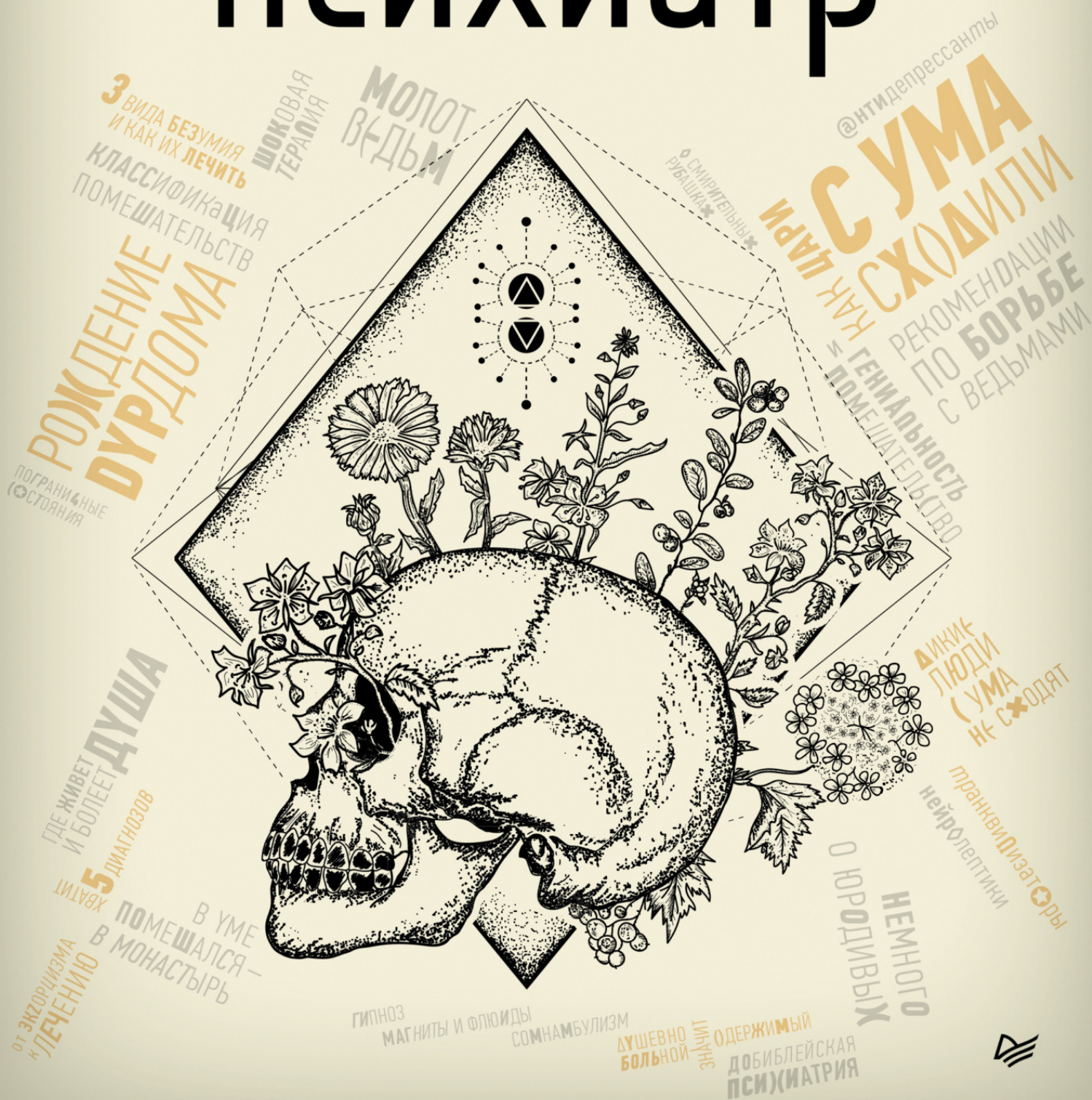

ПСИХИЧЕСКИЕ
ЭПИДЕМИИ

ЧУМОВОЙ

пугающая и забавная история психиатрии

ПСИХИАТР

New Med

Максим Малявин

**Чумовой психиатр. Пугающая
и забавная история психиатрии**

«Питер»

2024

УДК 616.89
ББК 88.481

Малявин М. И.

Чумовой психиатр. Пугающая и забавная история психиатрии /
М. И. Малявин — «Питер», 2024 — (New Med)

ISBN 978-5-4461-2951-5

Сумасшествие появилось много раньше, чем психиатрия стала самостоятельной дисциплиной, какой вы видите её сейчас. Но попытки починить голову предпринимались уже тогда, в незапамятные времена. Не верите? А вы начните читать – и обещаю, что вы не оторвётесь, пока не перевернёте последнюю страницу. История психиатрии просто не может быть скучной – и вы в этом сами убедитесь! В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 616.89
ББК 88.481

ISBN 978-5-4461-2951-5

© Малявин М. И., 2024
© Питер, 2024

Содержание

Отказ от ответственности	6
В начале	7
Первобытная психиатрия	8
Дырки в черепах, или как убрать злого духа из головы	8
Не гневи богов – сойдёшь с ума	10
Древний мир	13
Ближний восток: как цари с ума сходили	13
Толерантность к безумцам – не про Европу	15
Хватит и пяти диагнозов	18
Где живёт (и болеет) душа	19
В начале нашей эры	22
Цельс: три вида безумия и как их лечить	22
Аретей из Каппадокии и другие приверженцы гуманизма	25
После Сорана: античный креатив	28
Средневековье	30
Арабский мир: лечим тоску шахматами	31
Европа: католики ещё добрые	32
Константин Африканский – типичный врач своего времени	35
В Европе появляются университеты	36
В тесноте, да в обиде	37
Куда девать душевнобольных	38
Лечат как могут – но ведь и на костёр не тащат	41
Рождение дурдома	43
Эпоха возрождения	47
Новые веяния. Во всём	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Малявин
Чумовой психиатр. Пугающая
и забавная история психиатрии

© ООО Издательство «Питер», 2024

Отказ от ответственности

Считаю своим гражданским и врачебным долгом честно предупредить, что контент этой книги может сильно оттоптаться по чьим-то нежным чувствам: религиозным, антипсихиатрическим (список можно продолжить самостоятельно по мере процесса оттаптывания). Поэтому позаимствую основу преамбулы у авторов кинофильма «Догма», творчески доработав её для этого опуса.

Предварительное опровержение, заблаговременный отказ от ответственности, оговорка (это чтобы прикрыть себе задницу):

Автор и издательство «Питер» категорически заявляют, что данная книга от начала до конца представляет собой личный взгляд писателя на события давно минувших лет и не должна приниматься всерьёз.

Считать контент провокационным – значит упустить самую суть, вынести несправедное суждение, а ведь право судить принадлежит Богу и только Богу, о чём следует помнить литературным критикам. (Шутка.) Прежде чем наносить кому-либо увечье из-за этих многабукв, вспомните, что даже у Всевышнего есть чувство юмора. Взять хотя бы утконосов. Спасибо, и приятного вам чтения.

Постскриптум: мы искренне извиняемся перед всеми любителями утконосов. Коллектив издательства «Питер» и автор лично уважают благородных утконосов. Мы вовсе не хотели никого принизить. Ещё раз спасибо, и приятного вам чтения.

В начале

Есть старый анекдот. Учительница собирается вести класс на стройку – у них по плану такая экскурсия была организована – и говорит детям:

– Ребята, пожалуйста, наденьте каски. А то однажды мальчик с девочкой забрались на стройку, и мальчик был без каски, а девочка в каске. Им обоим упали на голову кирпичи. Мальчика сразу насмерть зашибло, а девочка улыбнулась и дальше пошла.

Вовочка кивает:

– Знаю я эту девочку! Она до сих пор улыбается и каску не снимает!

Думаю, что как минимум одна неравная половина из тех, кто читает эту книгу, знакома с проявлениями психических болезней не понаслышке: соседка в подъезде, кто-то из знакомых или родственников, просто встреченный на улице человек. А вторая неравная половина тоже знает эту проблему, но, так сказать, изнутри.

Получается забавный парадокс: несмотря на то, что сами психические болезни существуют очень давно, – скорее всего, их вполне можно считать ровесниками человечеству как таковому – психиатрия среди медицинских специальностей одна из самых молодых отраслей. Почему так сложилось? А давайте поглядим, какими путями и извилистыми тропками пробиралась её история, чтобы стало понятнее. Соберём, так сказать, *anamnesis vitae* у самой психиатрии.

Не удивляйтесь, если повествование местами покажется вам похожим на сказку – где-то забавную, а где-то и страшненькую, в лучших традициях старых европейских сказок, рассказанных в ночь перед Рождеством. Всё дело в том, что чем дальше в леса прошлых веков, тем толще в них встречаются сказочники, мимикрирующие под историков.

Не верите? А вы сами далеко не ходите, просто почитайте о Великой Октябрьской социалистической революции сначала в учебнике истории, написанном для советских школ, а потом сравните прочитанное с материалом, который излагают в современных учебниках. Есть разница? Вот то-то же. Но мы с вами всё же попытаемся заглянуть и хотя бы в общих чертах представить: а как оно было. Как народ с ума сходил во времена оны? Чем их пользовали? Как относились?

Готовы? Обещаю: скучно не будет.

Первобытная психиатрия

Дырки в черепах, или как убрать злого духа из головы

Можно с целым рядом оговорок сделать предположение, что в каменном веке психические болезни не только встречались и замечались, но их ещё и пытались лечить. Как? С точным и пошаговым описанием процесса есть некоторые сложности, поскольку не сохранилось ни одной наскальной истории болезни – народ всё больше беллетристикой баловался да эпистолярным жанром. Но некоторые находки позволили историкам предположить, что лечить сумасшедших так пытались.

Когда в далёком 1685 году во Франции историк и филолог Бернар де Монфокон нашёл на месте древней стоянки человека череп с дыркой, не предусмотренной нормальной анатомией, ни он, ни тогдашняя научная общественность не особо удивились. Ну мало ли. С кем не бывало. Ну да, дырка ничего так, вполне аккуратная. Не совсем похоже на последствия выяс-

нения отношений в коллективе. И для выражения чувств своей избраннице в стиле «по тыкве и в пещеру» тоже не очень характерно. Ну разве что это был, наоборот, избранник, и она ему потом не только плешь проела, но и до мозга добралась с чайной ложкой... или чем у них тогда было принято десерт поедать? Но тоже очень сомнительно.

Потом, в 1816 году, там же, во Франции, нашли другой череп с очень похожей аккуратной (ну, скажем так, относительно аккуратной) лишней дыркой – и возникло подозрение, что это неспроста. Вот только когда, спрашивается, проводили процедуру? До, смерти, после неё или, так сказать, оную причиняя?

Понимание пришло позже. В 1860 году. Дело было так. В одном из не самых простых домов Перу местная знаменитость и просто очень богатая дама, Сентино, устроила очередную тусовку. И на ней, поскольку положение обязывает, присутствовал генеральный консул (по совместительству археолог и журналист) США в Перу Эфраим Джордж Скуайер. Там-то сеньора и показала ему кое-что. А также коллекцию предметов старины – настоящей, ещё до эпохи экспансивного туризма товарища Христофора Колумба. Оказался в этой коллекции и череп с большой квадратной дыркой. И так он заинтересовал генерального консула, что хозяйка его просто от сердца оторвала, прошу прощения за анатомический каламбур, – мол, ничего не жалко для импозантного мужчины и просто хорошего человека, забирайте.

Выгуляв дырявый череп до Нью-Йоркской медицинской академии, Скуайер показал его тамошним докторам. Мнения разделились. Многие склонялись к тому, что дырку сделали при жизни и пациент после операции остался скорее жив, чем мёртв. Другие же коллеги упорствовали: дескать, вскрытие показало, что пациент умер от вскрытия. Вы-де посмотрите на этих индейских эскулапов! Сплошь шаманы и шарлатаны, только-только с пальм и секвой послезали – какая, на фиг, трепанация? С какой, на фиг, лечебной целью?

В общем, толерантностью в те времена и близко не пахло. Поняв, что сенсацию вот-вот задушат на корню, Скуайер вспылел и со словами: «Я ухожу и забираю свой череп!» подался... нет, не в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов, но примерно в том направлении – через Атлантику, в Старый Свет, в Париж, к Полю Пьеру Брока, основателю Общества антропологии. Тот как на череп глянул, как дырку поближе рассмотрел – аж взвился: мон шер, говорит, все эти ваши недоброжелатели из Нью-Йорка альтернативно ориентированы, один вы Д'Артаньян! Вы же видите, что тут по краям дырки явно наплывы костной ткани есть? То есть человек-то ещё жил с этой дыркой в голове! Сложно сказать, насколько счастливо, но уж точно не пару-тройку минут после операции!

Потом был совместный доклад, потом – охота за черепами, и к 1867 году во Франции и Перу было обнаружено довольно много находок с дырками от трепанации. Причем порой не просто дырок, а отверстий, прикрытых костными, а иной раз золотыми или серебряными пластинами – и тоже со следами заживления, то есть явно не посмертно процедура проводилась и не для умерщвления применялась.

Зачем же их делали при жизни человека? Одним из устоявшихся до сей поры предположений остаётся попытка вылечить таким образом пациента от ряда недугов, в том числе от сумасшествия. Прорубить, так сказать, путь на волю... вот только чему? Да всё просто: тому, что попало в голову и сводит с ума. Пусть уходит навсегда. Чего тут непонятного-то? Поскольку и ответ на то, как это что-то в голову попадает, у наших давних предков имелся. Правда, до нас он дошёл в виде всё той же мифологии, но тут уж, извините, что есть.

Не гневи богов – сойдёшь с ума

Что же до самой мифологии – сами понимаете: воспринимать её как летопись и биографию было бы слишком самонадеянно. Впрочем, как и строить на её основе воздушные замки конспирологических теорий. Поэтому давайте просто осторожно полистаем, не забывая о критичности мышления. И постараемся также помнить о том, что поступки самих богов в подавляющем большинстве случаев и жрецами, и паствой не расценивались как сумасбродные, даже если таковыми и выглядели. Ну боги же.

Вот, к примеру, история товарища Урана. Ему, понимаешь, супруга Гея детей рождает со страшной скоростью, а тот от них нос воротит: мол, эти одноглазые какие-то, вон те вообще сторукие; нимфы – они такие... нимфы. В общем, пусть отправляются, откуда взялись. Ну да, туда, в... землю. А то что-то меня паранойя съедает. Мнится мне, детки недоброе замышляют против отца родного.

Дальнейший ход событий показал, что если у бога паранойя – это ещё не значит, что никто не точит на него серп. Кронос, сынок, постарался. Науськала его Гея, уставшая от бесконечных родов и процедур насильственного возвращения родившихся обратно, откуда взялись. Взмахнул Кронос серпом острым – и процедура первой в истории стерилизации хирургическим путём состоялась. Кронос же характером в отца пошёл. Вернее, паранойю-то унаследовал. Тоже боялся, что детки на нём отыграются. Поэтому просто их поедал, пока камешком не подавился.

Так мало того что сами с приветом: им свести с ума человека – это пожалуйста. Это запросто. Это они могли. Даже если в человеке имеется капелька божественной крови.

Вспомните Геракла. Месть в очередной раз обманутой жены Зевса, Геры, была страшна: не смогла бастарда сразу в колыбели придушить – вот тебе безумие в подарок. Будучи в состоянии патологического аффекта (как расценили бы сейчас на судебно-психиатрической экспертизе), Геракл бросает в огонь всех своих детей и парочку отпрысков своего брата. Хотел ещё и жену, и брата, и ещё одного племянника прибить, но тут примчались санитары и зафиксировали героя.

Аяксу Теламониду, к слову, тоже от богини досталось. Правда, не от Геры, а от Афины Паллады. Ну вот не понравился он ей. Ибо не фиг было с Одиссеем за призовые доспехи спорить и супротив греческих вождей замышлять недоброе. Вот и лишила его разума, и вместо вождей напал он с мечом на стадо баранов (что тоже в целом символично) и всех порубил-порезал. Пришёл в себя – ба, стыд-то какой! Пришлось на тот же самый меч бросаться.

На Ореста из рода Пелопидов никто из богов безумия не насылал, разум ему не мутил. Ему пришлось столкнуться с иным видом душевных страданий. Явился ему однажды Аполлон и заказал, если можно так выразиться, Климнестру, мать Ореста. Вместе с её любовником Эгисфом. Мол, не по понятиям, Орест, они поступили, когда отца твоего, Агамемнона, живота лишили. Сам ты тогда еле спасся, пришлось срочно эмигрировать. Пришло, говорит, время восстановить историческую справедливость. Вот ты и займись. Куда деваться, если заказчик такой серьёзный. Пошёл и убил. Вот тут-то и привязались к Оресту эринии. Те ещё фурии: помните, как Кронос Урану обрезание под корень делал? Вот из капель той крови они когда-то и родились.

Привязались они к Оресту не просто так. Работа у них такая: преследовать преступника, ввергая его в безумие (вот вам, кстати, и ещё один из взглядов тех далёких лет на этиологию психических заболеваний: аморальное поведение с расплатой за него). Мол, если совесть у тебя спит – так мы её разбудим и замучаем. В общем, досталось тогда Оресту неслабо. Чуть было навсегда с ума не сошёл. Даже Аполлон лишь паллиатив смог предложить – усыпил эриний на время.

Правда, потом Афина Паллада помогла: устроила бедолаге суд перед афинским ареопагом, и на этом суде признали (с преимуществом в один голос – как раз Афины Паллады), что парень невиновен. А раз так – то и эринии не при делах. Те было взъярились, но Афина и их сумела умягчить, предоставив ПМЖ в Аттике и пообещав, что почитать их будут так же, как и других богов. Молиться, жертвы приносить, всё такое. Словом, уговорила. С тех пор и стали называть эриний эвменидами, то есть благосклонными. А ещё – маниями, что, сами понимаете, о многом говорит.

С явлением психических эпидемий древние тоже сталкивались, и даже в мифологии этот феномен нашёл своё отражение.

Было у тиринфского царя Прета три дочери: Лисиппа, Ифиноя и Ифианасса. Жили бы себе и жили в неге и роскоши, да только однажды обидели они Геру. То ли её статуе язык показали, то ли ещё каким образом своё пренебрежение по молодости да глупости выказали, но Гере-то много ли надо, чтобы вспылить? Было бы за что – вообще бы поубивала, а так, считай, ещё легко отделались. Всего лишь коллективно сошли с ума. Дружно решили, что они коровы (насколько самокритично, уже сложно сказать, ибо мифология умалчивает об их телосложении), и отправились в предгорья щипать травку.

И ладно бы сами отправились – к ним с воплями «И я! И я корова!» вскорости присоединились ещё девушки из Тиринфа и Аргоса. Конец эпидемии истерии (а это, по всем признакам, была именно она) положил пастух. Пастух, правда, был непрост. Звали его Меламподом (Черноногим, хотя злые языки утверждают, что это мягкий эвфемизм, и чёрным у него обзывали то место, откуда они растут), и был он, на минуточку, сыном царя города Иолка. Интересный был человек: мог прорицать, змеиных детёнышей вскормил, язык птиц понимал. Первым стал строить храмы Дионису – и первым же стал разводить вино водой, что и другим советовал. Знатным пастухом, к слову, стал после того, как вылечил от бесплодия Ификла, сына фессалийского царя Филака – тот на радостях подарил Меламподу целое стадо коров.

И вот пасёт однажды Мелампод своё стадо – и вдруг видит ещё одно. Неправильное. Разобравшись, в чём тут дело (прорицатель же), Черно... ногий обнадёжил: «Тёлки, я вас вылечу!» – и приступил к терапии. Далее мнения тех, кто рассказывает мифы, разделились. По одной версии, Мелампод нанял парней покрепче, вручил им прутья погубче и велел гнать женский коллектив аж до города Сикиона. Гера кросс с покаянием им милостиво зачла, и девочки исцелились.

По другой версии, пастух, будучи уже к тому времени продвинутым травником (тоже одним из первых, кто в мифологии описан как исцеляющий препаратами растительного происхождения, кстати), напоил больных отваром чемерицы. Как ещё не отравил напрочь? Видимо, отвар слабый давал. Хотя... поговаривают, что, когда остатки отвара были вылиты в реку Анигр, та стала дурно пахнуть. Досталось и роднику Клитория, воды которого с тех пор отворачивают испившего их от вина (ну вот вам и самое первое упоминание чемеричной воды в качестве противоалкогольного средства).

Лечебный подвиг царь Прет Меламподу не забыл, отблагодарил по-царски – женил его на одной из своих дочерей. Ну и треть царства в придачу пожаловал.

Древний мир

Ближний восток: как цари с ума сходили

Библейские летописания тоже не обошли тему сумасшествия стороной. Первый царь народа Израиля (а дело, на минуточку, было где-то во второй половине XI века до нашей эры) Саул был помазан на царство пророком Самуилом по настоянию электората, по велению Господа и по ошибке. Сам-то пророк уже знал, как карта ляжет и чем всё дело кончится, и даже народ страшал – наплачетесь, мол, а поздно будет. Но те не слушали, кричали: «Любо! Любо!» и «Саулку на царство!» Делать нечего, пришлось мазать.

Понял Бог со временем, что ошибочка вышла, и когда Саул слишком зазнался, взял да и отвернулся от царя. С Самуилом-то тот ещё раньше поссорился: уж слишком пророк нравочениями да страшными картинками из будущего доставал, а это, само собой, мало кому

из начальства нравится. Бог-то отвернулся, а злой дух тут как тут: ой, мол, вы тут мужинку видного потеряли, ну да ничего, я подберу, в хозяйстве пригодится.

И стал с тех пор Саул мрачен и жесток, и нападали на него приступы меланхолии. Что примечательно, лечил его игрой на киноре Давид – к тому времени уже тайно помазанный на будущее царствование всё тем же Самуилом. Так что если паранойя у Саула по отношению к Давиду и прорезалась, то по делу.

Музыка хоть и приносила Саулу облегчение, но радикально картины болезни не меняла: злой дух же, его таким паллиативом не проймёшь. Но сам по себе такой способ терапии душевных болезней в те времена неоднократно упоминается в разных источниках и у разных народов.

Другой царственный пациент, Набу-кудурри-уцур, он же Навуходоносор II, жил позже и правил Нововавилонским царством с 7 сентября 605 года до нашей эры по 7 октября 562 года до нашей эры. И тоже пострадал за гордыню, надменность, а главное – за неуважение к Господу. Нет, гордиться-то как раз было чем: с соседями знатно повоевал, Вавилон чуть ли не заново отстроил, зиккурат возвёл, мидийскую стену отгрохал, висячие сады Семирамиды так вообще за чудо света почитали – но это же не повод Бога не уважать.

Бог не фраер – поставил Навуходоносора в игнор. Вот и двинулся царь глуздом на этой почве (как тогда было принято считать): скитался, как вол, по пастбищам, траву ел, одичал и оброс – словом, душераздирающее зрелище. Потом, правда, снова признал бога евреев – и чудесным образом исцелился. То есть сами понимаете, к какому выводу о генезе заболевания подводили, рассказывая эту историю: если ты плюёшь на Бога, то попросту не долетит, а вот если он на тебя плюнет – либо утонешь, либо с ума сойдёшь.

Толерантность к безумцам – не про Европу

Таким образом, взгляд на этиологию душевных болезней в те далёкие времена был предельно прост: либо боги наказали, либо злой дух вселился. Однако понемногу стало приходить понимание, что не всё так однозначно и элементарно.

Что примечательно, как раз в то время, когда стали больше внимания уделять наукам. Нет, можно было бы, как и прежде, всё списывать на богов и злых духов, но как-то несолидно, что ли. Особенно в тех случаях, когда причина, можно сказать, на поверхности.

Вот, к примеру, как Геродот описывает спартанского царя Клеомена I. Тот, с его слов, вернулся в Спарту после долгого и утомительного изгнания и заболел. То есть сам, безо всякого потустороннего вмешательства. Впрочем, он и раньше был не совсем в здравом уме – каждый раз при встрече с кем-нибудь из спартанцев он бросал ему в лицо палку.

Ввиду такого поведения родственники посадили Клеомена в колодки, как помешанного. Находясь в заключении, он заметил однажды, что страж при нём остался один, и потребовал у него меч: тот сначала отказался, но Клеомен стал угрожать ему наказанием впоследствии, и под страхом угроз страж подал ему меч. Взявши меч в руки, царь стал изрезывать себя в полосы, начиная с бёдер, а именно: он резал на себе кожу в длину от бёдер до живота и поясницы, пока не дошёл до желудка, который тоже изрезал в узкие полоски, и так умер.

Причём спартанцы, и особенно царская родня, по поводу причин сумасшествия Клеомена на богов не клепали – сам виноват, болезный, нечего было вино неразбавленное пить, как слепая лошадь. Ведь что ни приём иностранных послов – так мечет одну за другой со страшной скоростью. Да и без приёмов повод всегда найдёт. В общем, погубило Клеомена неразбавленное вино.

Это, если позволите, официальная версия, в которой даже Геродот, скажем так, немного сомневался. По версии неофициальной, родственники – братья Клеомброт и Леонид (тот самый, что потом с тремя сотнями личной гвардии и шестью тысячами воинов защищал Фермопильский проход) решили Клеомена подвинуть с трона. Надо же и Леониду дать порулить! Вот и объявили Клеомена сумасшедшим, заточили в колодки, а потом и подрезали втихаря. Да ещё ахали напоказ – ах, какое зверское самоубийство!

Но историю пишут победители, потому для широкой общественности Клеомен так и остался царём, который сошёл с ума и покончил с собой. Нам же важнее то, как в те далёкие времена принято было обращаться с психически больными людьми.

Как видите, с сумасшедшими в Спарте – особенно с буйными сумасшедшими – особо не церемонились. Царя вон и то в колодки посадили: растратил, мол, душевное здоровье в политической борьбе – сиди и на людей не бросайся. Впрочем, древние эллины, их соседи, тоже не отличались особой терпимостью к буйнопомешанным согражданам.

Вот ещё пара косвенных тому свидетельств. Аристофан, древнегреческий комедиограф, в одной из своих комедий даёт персонажу такую фразу: «В вас бросают камнями, как в помешанных, даже в священных местах». То есть засветить могли легко, если ведёшь себя неправильно. И по фигу, что ты это не по злобе, а по болезни творишь – до эпохи толерантности ещё многие и многие клепсидры должны истечь. Могли с помешанным обойтись не так жёстко – например, просто связать. Причём не чинясь особо.

Сократ, когда его обвинили в страшном – в пропаганде непочтения к родителям, вынужден был оправдываться: мол, всё вы не так поняли, я имел в виду, что всякий сын, согласно закону, может связать своего отца, если тот явно безумен. Сократ, правда, в итоге таки доигрался – осудили и заставили выпить яду, – но само упоминание о том, что безумцев связывали, сохранилось.

Это одна из сторон отношения к безумцам. Существует и другая, которая в той или иной мере будет тянуться через века: неподсудность сумасшедшего человека. Есть одно любопытное свидетельство о том, как симуляция безумия была использована однажды в политических целях – так, чтобы не опасаться, что призовут к ответу за всё причинённое добро и нанесённую непоправимую пользу. О ней напишет древнеримский историк Юстин, упоминая эпизод из жизни афинского архонта Солона, одного из «семи мудрецов» Древней Греции.

«Между афинянами и мегарянами происходила борьба не на жизнь, а на смерть за обладание островом Саламином. После многих поражений афиняне установили смертную казнь для того, кто внесет закон о завоевании этого острова. Солон, боясь, что молчание его повредит государству, а выступление погубит его самого, притворился внезапно впавшим в безумие и решил, под предлогом невменяемости, не только говорить о том, что было запрещено, но и действовать.

В растерзанном виде, какой имеют обычно лишившиеся ума, он побежал туда, где бывало много народа. Когда сбегалась толпа, он, чтобы лучше скрыть своё намерение, начал говорить стихами, что было в то время необычно, и подстрекать народ к нарушению запрета. Он до такой степени увлёк всех, что тотчас же было постановлено начать войну против мегарян, и после победы над врагами остров [Саламин] перешёл во владение афинян».

Но вернёмся к истинным безумцам. Где же содержали в те времена сумасшедших? Да где придётся, специальных заведений для этого не было – это при том, что во многих городах уже существовали иатреи, то бишь лечебницы, как частные, так и городские, общественные, не говоря уже о храмах Асклепия. Кого-то держала дома родня, кто-то шлялся по улицам, кто-то нищенствовал у храмов, на рынках да на перекрёстках дорог.

Философ тех времён, один из первых, кто начал заниматься человеческой психологией, Теофраст в своих «Этических характерах» (известных также в разных переводах как «О свойствах нравов человеческих», а также «Характеристики») описывает суеверного афинянина, который плюёт себе на грудь, встретившись на прогулке с помешанным или припадочным.

Кстати, об Асклепии. Вернее, об одном представителе целой династии жрецов-врачей, считающих себя потомками этого бога, Гиппократе. Как-то раз жители городка Абдеры прислали на остров Кос письмо: мол, нужен опытейший и знаменитейший доктор. Беда у нас стряслась: один известный горожанин с ума сошёл. Явно от великой своей мудрости человек пострадал – это же ни одному уму не растяжимо, сколько он всего знает. А теперь вот по кладбищам в одиночестве шарахается, людей сторонится, смеётся, гад, над нами. А мы на него так рассчитывали – это же наша городская гордость, наша слава, наше всё! Достопримечательность, так сказать. Ведь потеряет же рассудок окончательно – и придут Абдеры в упадок.

Доктор, понятное дело, проникся: мол, это же надо, какая забота о человеке! Это же надо настолько ценить умище! Написал ответное письмо – дескать, тронут до глубины души. Ворота не закрывать, мудреца к койке не привязывать, выезжаю вечерней галерой, целую, Гиппократ. Постскрипtum: деньги, что вы предложили, оставьте в бюджете города. Хотел бы разбогатеть – поехал бы гастарбайтером к царю Артаксерксу, он шибко звал.

В общем, приехал Гиппократ в Абдеры, сели они с Демокритом (а в пациенты прочили именно его) под платаном и стали беседовать за жизнь. Собирая анамнез у Смеющегося Философа, потомок Асклепия заметил: вот ты, мудрый и заслуженный человек, учился у Левкиппа и продолжаешь ныне его дело. А он, между прочим, утверждает, что нет действия без причины. Есть ли причина твоему смеху над горожанами, да и надо мной тоже? Или это признак... эээ... неоконченного высшего образования?

Демокрит охотно ответил: забей, доктор. Ничего личного. Просто вот прикинь: я тут материи высших порядков постигаю, в мировое устройство вникаю, постигаю закономерности высших сфер и почти улавливаю их гармонию – и тут приходят эти... Ну, которые в городе живут. Требуют непотребного, пытаются меня в свои мелочные дразги и заботы вовлечь. Я тебе так скажу: танки... ой, извини, колесницы клопов не дают! Я же их помыслы и побуждения насквозь вижу. Вот и ржунимагу над примитивом. И – ты уж не обижайся – твои заботы тоже хоть и правильные, но ты бы поглубже копнул. Симптомы, синдромы – ты этиологию узри. И будет тебе счастье.

В общем, успокоил горожан Гиппократ: всё-де с Демокритом в порядке, не наш это пациент, просто шибко умный, так что вы уж с ним, пожалуйста, бережнее обходитесь. А с Демокритом ещё долго потом переписывался. Философ прислал ему свой труд о безумии: дескать, никакой мистики, просто желчь в мозг ударяет. Или слизи много накапливается. Вот и не выдерживает крыша, срывает её. Вот, к слову, списочек симптомов, дорогой доктор, на досуге почитаете. Гиппократ в порядке алаверды прислал ему свой трактат – о том, как лечить безумие эллебором. То есть чемерицей. Помните Мелампода? Рецептик-то ходовой оказался...

Хватит и пяти диагнозов

В этот же период наряду с подозрением, что не всякое безумие можно расценивать как гнев богов, появляются попытки как-то классифицировать типичные клинические случаи. А также понять, где же эта самая душа, которая заболела, прячется? Ну и каковы причины, которые ей могут навредить.

Что касается классификации, то её простоте позавидовал бы любой из ныне практикующих психиатров. Гиппократ и многие из его коллег и единомышленников сходились в том, что есть такие психические заболевания:

1) меланхолия, 2) мания, 3) френит, 4) паранойя, 5) эпилепсия.

С эпилепсией всё понятно – и, кстати, её только относительно недавно отдали в ведение неврологов.

Меланхолией считались подавленные или, иными словами, депрессивные состояния, протекающие без выраженного беспокойства. И возникали эти состояния, по устоявшемуся мнению, разлитием (или просто избытком) чёрной желчи – откуда, собственно, и пошло это название.

Гиппократ вообще был приверженцем гуморальной теории: мол, как в устройстве всего сущего есть четыре основополагающих элемента – огонь, земля, воздух и вода, так и в человеческом теле есть четыре вида жидкостей, им соответствующие, – это кровь (сангвис, огонь), слизь (флегма, земля), желтая желчь (холе, воздух) и чёрная желчь (мелэна холе, вода). Когда все эти жидкости друг друга уравнивают, то всё в порядке, у человека красис, он здоров. А вот когда в силу каких-то причин это соотношение нарушается – возникает дискразия, человек заболевает.

Вот с меланхолией так и происходит. Тут главное – не перепутать болезнь с особенностями темперамента. Хотя чего непонятного-то? Темперамент – это тот же красис, только со смещённым центром тяжести. А болезнь – это уже полная дискразия. Само собой, меланхолик, если припечёт, скорее выдаст меланхолию, а тот же сангвиник или холерик – манию.

С паранойей всё было сравнительно просто: несёт себе человек полный бред, при этом не подавлен и не особо неистов – значит, обыкновенный параноик (то бишь безумец).

Френит (или, другими словами, воспаление диафрагмы, которая в те времена традиционно считалась вместилищем человеческой души) – это бред и видения (вместе или по отдельности) в сочетании с лихорадкой. Инфекция ли тому причиной, или визит геральдического зверька наркологов, или же последствия тяжёлой травмы головы – древние эллины особо не разбирали. Френит – и этим всё сказано.

С манией оказалось сложнее. Вернее, с тем, что же ею считать. С одной стороны, к мании Гиппократ и его коллеги относили сумасшествие, протекающее с возбуждением и неистовством. С другой стороны, Платон, говоря о мании, приводит в пример вдохновение поэта – мол, вот вам настоящее неистовство, натуральная мания, которой не достичь ни одному ремесленнику. Он же упоминает религиозную манию с мистическими видениями во время особых культовых обрядов. И с третьей стороны, он же приводит как пример мании особое состояние дельфийской Пифии, которая вводит себя в него, чтобы начать пророчествовать.

Где живёт (и болеет) душа

Оместилище души тоже сложились разные мнения. Довольно долгое время – можно сказать, традиционно – считалось, что душа прячется где-то под диафрагмой (phren). Отсюда и френит, когда, как полагали, диафрагма воспаляется и душа страдает. А также ипохондрия, когда душе становится тошно и тоскливо, и она там, под рёбрами, в районе селезёнки, распечатывает амфору вина и начинает ныть и жаловаться.

Правда, Аристотель и Диокл (да и не только они) отводили место для души в сердце. Дескать, слишком много чести какой-то там диафрагме. Вот сердце – это да. Оно и сжимается от страха, и трепещет от страсти, и ёкает, и в пятки уходит – это всё неспроста. А если его ещё и пронзить – сразу душа вон. Каких ещё доказательств вам нужно?

А мозг? А что мозг? Этот орган долгое время считали ответственным за производство... эммм... слизи. Но мы-то на самом деле знаем, откуда она берётся. Египтяне вон во время бальзамирования своих фараонов мозг из черепа вычерпывали, сломав решетчатую кость и ни капли не тревожась о том, чтобы сохранить этот орган в целости. Зачем он фараону в его другой жизни? Совершенно лишнее образование. По мнению того же Аристотеля, мозгу отводилась роль радиатора: он должен был охлаждать не в меру разгорячённую кровь.

Правда, не все так думали. Алкмеон Кротонский, не чураясь вскрытия трупов животных и наблюдений за людьми с различными болезнями и травмами, открыл главные нервы органов чувств. Он назвал их каналами и ходами и показал, что всякий из них соединён с головным мозгом. Гиппократу, знакомому с трудами Алкмеона, осталось сделать правильные выводы и продолжить начатое. Что он и сделал, определив мозг как орган познания и приспособления человека к окружающей среде.

«Надо знать, что, с одной стороны, наслаждения, радости, смех, игры, а, с другой стороны, огорчения, печаль, недовольства и жалобы происходят от мозга... От него мы становимся безумными, бредим, нас охватывают тревога и страхи либо ночью, либо с наступлением дня».

Платон тоже согласен с тем, что голова – это не просто тупой твёрдый предмет, а ещё иместилище психических функций. Правда, доказывает это довольно оригинально. Ведь какая, спрашивает он, форма самая идеальная? Правильно, шар. А значит, боги, «подражая Вселенной, которая кругла, заключили душу в шарообразное тело, то самое, которое мы называем теперь головой и которое, представляя в нас самую божественную часть, господствует над всеми остальными частями». Красиво? Это он ещё сферического коня в вакууме не описывал...

Шли годы, и вот уже не Афины и не Милет, а Александрия стала центром древнегреческой культуры. Под покровительством Птолемея II Филадельфа (правда, редкий современник рискнул бы при жизни назвать его Любящим сестру, хотя слухи об их связи ходили) пополняется Александрийская библиотека, а Александрийский Мусейон прирастает обсерваторией, зоопарком, ботаническим садом... и анатомическим театром. Потому что царь разрешил – неслыханное дело – вскрывать трупы в научных целях. Чем несказанно обрадовал Герофила: не всё же доктору тайком орудовать.

Герофил, кстати, поддержал мнение Алкмеона Кротонского и Гиппократа о том, что мозг рулит мыслями и чувствами. И описал немало его структур, благо было что рассекать и описывать. Оболочки мозга, его синусы (это когда твёрдая оболочка мозга расщепляется, образуя коллектор для венозной сети) и их сток, *torcular Herofilii*, как раз им описаны. А ещё он научился определять, что есть нервы чувствительные и есть двигательные.

Впрочем, в Александрийский музей не только трупы для изучения анатомии присылали. Специально для Эрасистрата с острова Кос (что в целом символично) в Александрию отправляли преступников. Для вивисекции. Да, вы не ослышались – чтобы живьём их рассекать и изучать, что и как работает в ещё живом теле. И это Эрасистрат предложил измерять ум и способности человека анатомически. Всего-то дел: измерить площадь поверхности мозга и оценить глубину и разнообразие извилин. Я так полагаю, оценка производилась постмортем. Хотя...

Нет, а вообще хорошее предложение для разрешения спора, кто умнее: доктор вскроет и поглядит, а потом вынесет независимое решение. Может, даже эпитафию потом заказать соответствующую.

Эрасистрату же приписывают исцеление царевича Антиоха, сына Селевка Никатора, при дворе которого доктор некоторое время практиковал. Царь был не на шутку обеспокоен: как же, мы с сыном вот только недавно при Ипсе Антигону Одноглазому да Деметрию Полиоркету такой ход слоном показали, что только пыль столбом, и вдруг посреди полного благополучия – на тебе. Помирает человек. Чахнет с каждым днём. Эрасистрат, осмотрев пациента, крепко задумался: ну не складывается картина. Царевич по всем признакам физически здоров, как тот самый боевой слон. А выглядит и ведёт себя как умирающий. И ведь диагностическое вскрытие не проведёшь.

И заподозрил доктор, что дело тут в томлении духа, вызванном тайною любовью. И решился на врачебный эксперимент. Положил он руку на сердце Антиоха и велел вызывать по одной всех женщин, живущих во дворце. И когда в покои вошла красавица Стратоника, молодая мачеха царевича, сердце юноши забилось сильнее; сам же он покраснел, вспотел и задрожал.

«Картина ясная! – промолвил Эрасистрат. – Глубокая депрессия на фоне мощной сексуальной фрустрации! Лечится либо женитьбой, либо целебной декапитацией». Отец рассудил, что декапитация – это уж совсем радикально, и махнул рукой: для здоровья сына ничего не жалко, пусть женится на Стратонике. Баба с колесницы... Женитьба, соответственно, состоялась. Пациент, соответственно, выздоровел.

Далее в истории психиатрии следует трёхсотлетний перерыв – просто не сохранилось никаких сведений тех лет ни о подвижках медицины в этом направлении, ни об ярких пациентах.

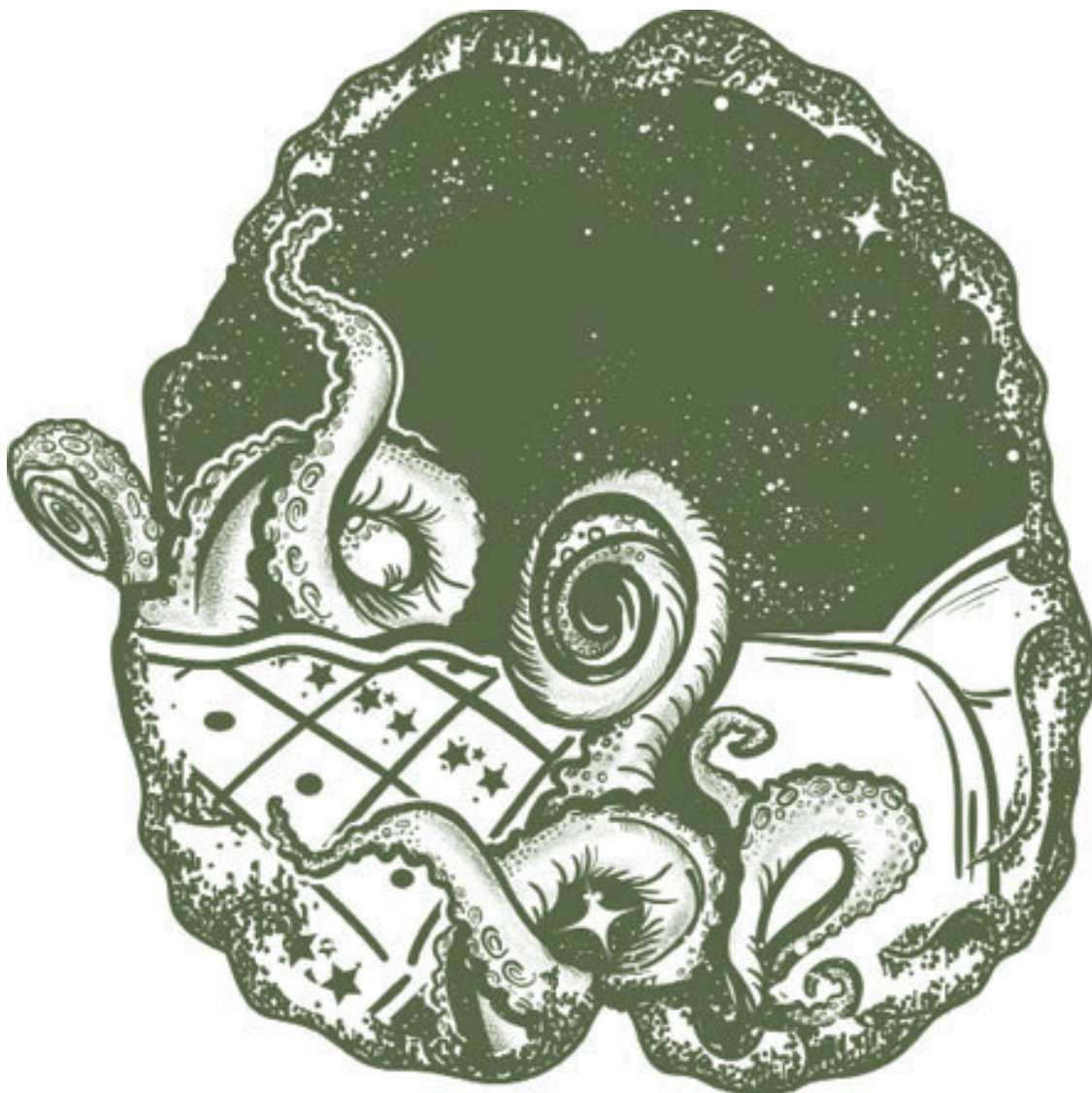
Разве что Марка Туллия Цицерона стоит упомянуть. Пусть медикусом он не был, но о проблеме душевных болезней задумывался. И отдельно – о причинах, по которым у безумца пропадает критика к собственному душевному состоянию и поведению: парадокс заключается в том, что, когда болеет тело, душа может распознать болезнь, узнать её и судить о ней; но когда больна душа, тело не в силах что-либо сказать нам о ней.

«Ведь душе приходится судить о своей болезни лишь тогда, когда то, что судит, само уже больное».

Ну да, вечный вопрос: *Quis custodiet ipsos custodes?* Сиречь – кто устережёт самих сторожей?

В начале нашей эры

Цельс: три вида безумия и как их лечить

В самом начале нашей эры восходит звезда Авла Корнелия Цельса.

У Цельса явно было время и для того, чтобы почитать, и для того, чтобы прочитанное осмыслить. А главное – доступ к дефицитной литературе. Он не стал заикливаться на каком-то одном направлении, ему всё было интересно: в тех книгах (а это только из сохранившихся где-то штук двадцать томов), что он написал, он и в философии мудрец, и в риторике ртом говорец, и в сельском хозяйстве оралом орец да граблями гребец, и в военном деле всем врагам... хм... И в медицине отличился. Причём, судя по всему, многое для себя почерпнул у Гиппократов, Герофилов, Эрасистратов, Асклепиад и других медиков, что практиковали как раз в том трёхсотлетнем перерыве и чьи труды хранились в Александрийской библиотеке.

Именно Цельсу принадлежит первый из дошедших до нас и более-менее связно и едино изложенных трактатов по психиатрии. Все виды душевных болезней он предложил называть безумием, или *insania* (что на тот момент было наиболее точным и по букве, и по духу переводом греческого «паранойя»). А вот само безумие Цельс уже делил на три вида.

1) френит, 2) меланхолия, 3) общее безумие.

Френит (ну помните такой, воспаление души, если в приблизительном переводе) – самый короткий по продолжительности вид безумия, когда у пациента психические расстройства сопровождаются лихорадкой, при этом он может быть и подавлен, и буен. Может лишь ругаться и угрожать, а может быть молчалив, но крайне опасен. Цельс, перечисляя симптомы, не забывает и о лечении написать. При этом он упоминает, что ещё древние рекомендовали держать таких пациентов в темноте, чтобы душа успокоилась.

Но вот Асклепиад, напротив, рекомендовал держать их на свету, ибо темнота порождает ещё больший страх и беспокойство. Сам же Цельс рекомендует подходить к вопросу гибче и пробовать то и другое – кому что больше помогает. Упоминает он, снова ссылаясь на Асклепиада, также и кровопускания, и длительные растирания – но лишь тогда, когда состояние пациента того позволяет. Кроме того, рекомендует обривать голову и обрабатывать её настоем вербены, после чего полить её (не забыв ноздри) розовым маслом.

Ну а вообще Цельс настаивает на том, что к каждому пациенту надо подходить индивидуально: успокоить того, у кого страхи, пригрозить тому, кто смеётся беспричинно, третьих, кто в драку лезет, выпороть и постоянно держать под контролем. А тем, кто в унынии, можно и музыку какую-никакую изобразить. А то и просто шумом развлечь. Особо отмечается, что сон для таких пациентов столь же необходим, сколь и труднодостижим.

Впрочем, тут Цельс рекомендует воспользоваться шафрановой мазью с добавлением орриса, которую надо втирать в голову. Если же и это не помогает, пишет он, то можно дать глотнуть отвара мака. Или белены, но желательно не переусердствовать. Ну можно ещё лоб помазать кардамоновым бальзамом или платановой смолой. Кормить таких пациентов нужно лёгкой пищей – к примеру, кашами, – а поить желательно гидромелем (это такой напиток – мёд, вода и лимонный сок): двух чашек зимой или четырёх летом вполне достаточно.

Меланхолия – второй и более длительный вид безумия, и главный её симптом – это печаль, которая, по всей видимости (так пишет Цельс), причиняется разлитием чёрной желчи. Он же советует не пренебрегать кровопусканием – дескать, очень полезно. Но если по каким-то причинам кровь пустить нельзя, то стоит подключить к делу чемеричную воду. Стоит всячески развлекать пациента увлекательными разговорами, а также играть с ним в игры, которые были приятны ему во времена, когда он был здоров, и вообще всячески обнадёживать его на будущее.

Третий вид безумия длится дольше всех прочих. Специального названия ему нет, но проявляться он может двояко: либо чувства подводят человека, и он начинает видеть невидимое и слышать неслышанное, подобно герою Аяксу или тому же Оресту, которого эринии с ума сводили, либо подводят мысли.

В обоих случаях пациент начинает поступать нелепо и безрассудно. И тут сначала надо обратить внимание, подавлен человек или же возбуждён.

Если он в депрессии – значит, надо дать ему чёрную чемерицу, чтобы товарища прочистило. Если же он беспокоен и бурагозит – дать белую чемерицу как рвотное. Не захочет пить отвар – накормить хлебом, в который эта травка добавлена.

Стоит помнить, обращает внимание читателя Цельс, что если больной смеётся, то его болезнь менее тяжела, нежели у того, кто себе даже в зеркало не улыбается.

Ах да, и запомните: полная очистка организма для безумца важна, но сначала надо давать слабительное, и только потом рвотное. И вообще, особенно когда они сопротивляются, начинают нести всякую чушь и неправильно себя вести, надо с ними пожестче. Стоит применять голод, кандалы и порку. Чтобы пациент запоминал, что такое хорошо и что такое плохо. Ну и побаивался: может, хоть страх заставит его задуматься о том, что он творит.

И вообще испуг, особенно внезапный, – он при этой болезни полезен. Вот так выбьешь человека из колеи – глядишь, он и в себя понемногу приходить начнёт. А вот при длительной депрессии надо пациента дважды в день растирать и лить ему на голову холодную воду.

А ещё ванны с водой и маслом не повредят. Кроме того, безумцев не следует оставлять одних либо с теми, кого они не знают, либо презирают, либо игнорируют. Если они придут в разум, им следует не реже раза в год путешествовать, чтобы сменить обстановку.

Главное же – не доверять тому, что они говорят, даже если они уверяют, что совершенно здоровы или скоростижно поправились; не развязывать и не отпускать их, несмотря на все веские и с виду разумные доводы, – ибо таков жребий безумца.

В общем, сильно подкузьмил Авл Корнелий Цельс многим поколениям душевнобольных пациентов: ведь на его рекомендации ссылались впоследствии не один век, считая Цельса непререкаемым авторитетом.

Аретей из Каппадокии и другие приверженцы гуманизма

В первом же веке нашей эры, только уже во второй его половине, в Римской империи появляется и ещё одна яркая звезда, если рассматривать с точки зрения медицины, а особенно психиатрии. Поговаривают, правда, что львиная доля его текстов – это изложение трудов сирийца Архигена, который жил и практиковал в Риме во времена Траяна (54–117 год нашей эры), да кто же того Архигена помнит.

Во всяком случае, ни одного письменного труда его не сохранилось, а вот Аретей оказался более предусмотрителен. Родившись в Каппадокии, он перебрался в Александрию, где долгое время жил, учился и врачевал. Блестящее для тех времён знание анатомии – это отсюда, из Александрийского мусейона. Но нас ведь интересует его психиатрическая практика, верно?

Надо сказать, что в целом Аретей придерживался взглядов и учения Гиппократов в отношении душевных болезней. То есть признавал, что есть четыре основные жидкости тела, есть их красис, случается дискразия – и вот тут-то всё и начинается. Правда, одними лишь жидкостями всё объяснить нельзя, действительность выпирает за рамки шаблона.

Вот, к примеру, та же меланхолия. Вроде всё понятно: разлилась по френу (пардон, диафрагме) чёрная желчь – и пациенту резко поплохело, и стал он печален и главою скорбен. Ан нет, пишет Аретей, бывает, что внешне всё выглядит как меланхолия, а вот причина не в чёрной желчи, а в том, что произошло что-то из ряда вон. Печальное или страшное для человека. И так он сосредоточивается на своих печальных мыслях об этом событии, что вызывает тем «угнетённое состояние души, сосредоточившейся на какой-либо мысли». Чем вам не описание психогенной депрессии? Также, отмечает Аретей, грустная идея может образоваться и *sine manifesta gravis causa*, то бишь без веских тому причин (а это уже, на мой взгляд, наблюдение эндогенного процесса).

Описывал меланхолию Аретей очень подробно, обращая внимание на такие детали, которые ранее либо не замечали, либо никому и в голову не приходило их отдельно отмечать. Например, ту же заторможенность при меланхолии, что верно для большинства депрессивных состояний (и моторная, и психическая заторможенность наряду с резким и длительным снижением настроения входят в классическую триаду симптомов при депрессии). И «ложные мысли» – боязнь, что отравят или что боги покарают, и суицидальные тенденции, когда пациенты *vitae maledicentes mortisque cupidi*, то есть питают отвращение к жизни и страстно мечтают о смерти.

Тут я сделаю небольшое отступление: стоит помнить, что под меланхолией в те далёкие времена понимали целый ряд болезней, для которых в нынешней психиатрии есть свои отдельные названия. Так, сюда попала и шизофрения, исход которой, с нарастающим дефектом и распадом личности, Аретей описал как *more brutorum vitain exigent*, «глубокое безумие изгоняет жизнь», и прогрессивный паралич с судорогами и летальным исходом. И даже вероятность чередования меланхолии и мании (БАР не напоминает?) он упомянул.

Лечить же меланхолию Аретей предлагал по заветам Гиппократов: то есть не забывать очищать организм (снова здравствуй, чемерица) и правильно питаться, но главное, как завещал отец медицины, – «мудрым выжиданием помочь природе и её целительным силам». Пожалуй, для тех времён действительно мудрое решение, чтобы не навредить излишней ретивостью.

Особо подробно Аретей описал манию. И сразу предупредил: не надо путать пациентов мании с теми, кто вина опился или белены объелся. Или ещё каким другим ядом отравился. И с френитом тоже не надо путать: при френите лихорадка и всякие обманы чувств, когда что-то не то видится и что-то не то слышится, вот и пристаёт пациент к объектам искажённой реальности – мол, не так сидишь, не так свистишь...

У больных манией суждения ошибочные, потому и ведут они себя неправильно. Могут надумать себе всякого. К примеру, один такой думает, будто он наполненная маслом амфора, и жутко боится упасть и разбиться; другой же решил, что он – кусок... нет, не того, о чём вы подумали, а всего лишь необожжённой глины, и потому перестал пить, чтобы не размочить себя водой и не раскиснуть окончательно.

Описания лечения мании у Аретея не сохранилось, зато лечение френита он расписал подробно. В том числе и условия, в которых стоит держать пациента. И тут он даёт приличную фору в гуманизме тому же Авлу Корнелию Цельсу.

«Комната должна быть достаточно велика, чтобы в ней всегда поддерживалась чистота воздуха и умеренная температура; лучше, если стены будут совсем гладкими, так как всякие выступы и украшения плохо действуют на слабый ум больного: он видит то, чего нет, волнуется и протягивает руки вперёд. Слух обычно обострён, шум раздражает больных, а потому и в комнате, и во всем доме необходимо поддерживать тишину. Больные френитом мечутся на своём ложе, поэтому последнему надлежит быть не слишком узким, чтобы нельзя было свалиться на пол. Покрывало надо выбрать гладкое, иначе у больного появится желание выдёргивать из него нитки».

Сохранилось упоминание о враче, практиковавшем в самом начале первого века нашей эры в городе Афродисиас, что в азиатской Кари, тогда ещё принадлежавшей Древней Греции. Звали того врача, соответственно, Ксенократ Афродисийский. Доктор написал книгу «О съедобных морских животных», но нам интересна не столько она, сколько оригинальный метод лечения психических болезней, которым он пользовался. Про терапию безумия музыкой к тому времени было уже давно известно – правда, сложно сказать, насколько эффективной она была. Так вот, Ксенократ авторитетно утверждал: эффективна.

Главное – материал, из которого сделан музыкальный инструмент. К примеру, флейта из древесины тополя лечит ишиас, а флейта из чемерицы (и снова она!) врачует сумасшедших.

Соран Эфесский, греческий врач, родился в 98 году в тогдашней провинции Азия, в Эфесе (туда в нынешние годы протоптана воздушная тропа туристических чартеров, и там варят самое популярное в Турции пиво), практиковал в Риме. И судя по наставлениям, которые дошли до нас в более поздних записях другого древнеримского медика, Целия Аврелиана, со скорбными главою пациентами ему довелось поработать плотно. Потому он подробно описывает, как за ними надо ухаживать. Кстати, вязки, мягкие и эластичные, к которым пришли сейчас, отринув (кстати, зря, но об этом позже) смиренные рубашки, впервые описаны именно у него.

«В комнате больного, в первом этаже, окна должны быть расположены повыше, чтобы нельзя было выброситься наружу. Изголовье кровати располагается спиной к двери (тогда больной не видит входящих). У очень возбуждённых больных приходится иногда вместо постели ограничиваться соломой, но тогда последнюю надо тщательно осматривать, чтобы не попалось в ней твёрдых предметов. В случаях повреждения кожи эти места необходимо перевязывать, и тогда на некоторое время, пока это нужно, больного пеленают мягкими бинтами, делая обороты вокруг головы, плеч и груди.

Приходится прибегать к помощи надсмотрщиков: эти люди должны по возможности незаметно, под предлогом, например, растирания, приблизиться к больному и овладеть им, но при этом надо принять все меры, какие возможны, чтобы ещё сильнее не взволновать его. В таких случаях всегда имеется опасность повредить суставы, а потому при связывании надо пользоваться мягкими тканями и делать это осторожно и ловко».

Сами понимаете, при таком подходе работа медикуса с пациентом массовой быть не может. Только штучная, только эксклюзив. И подход, практикуемый Сораном, необычайно гуманен, особенно по тем временам.

«Иные врачи предлагают держать всех без исключения больных в темноте, не принимая во внимание, как часто отсутствие света раздражает человека, не соображая, что темнота ещё больше омрачает голову, в которую как раз обратно требуется внести свет...

Некоторые, например Тит, проповедовали голодный режим, забывая, что это вернейший способ довести больного до смертельной опасности и помешать применению других средств, например гимнастики.

Врачи, сравнивающие умалишённых с дикими животными, укрощаемыми голодом и жаждой, должны сами считаться умалишёнными и не браться за лечение других. Исходя из ошибочной аналогии, они предлагают применение цепей, совершенно упуская из вида, что это наносит тяжёлые повреждения и что гораздо легче и целесообразнее удерживать больных руками, чем тяжестью оков».

Судя по всему, Соран внимательно изучил многие труды, касающиеся лечения помешательства, и многое испытал на практике, после чего у него возникли определённые сомнения в пользу некоторых рекомендаций. Мол, рассуждать можно красиво, а вот когда дело доходит до применения... Так, он отказался от идеи Темизона поить сумасшедших допьяна: дескать, у них и своей дури достаточно, а вы ещё и вином усугубляете, так и до мании недалеко!

К использованию музыки Соран тоже подходит с осторожностью: мало ли что Асклепиад, Ксенократ и Темизон считали живой и нежный фригийский ритм подходящим для меланхоликов, а воинственный дорийский – для склонных к нелепым выходкам и взрывам ребяческого смеха! Это всё хорошо, но вот звуки флейты, которые и здорового-то порой раздражают, больного вообще могут привести в бешенство, будь она хоть тысячу раз из чемерицы! Это он ещё шотландских волынок не слышал...

Советовал Соран не перегибать и с лечением пациента путём пробуждения у него сильных чувств – к примеру, любви. Предостерегал: мол, любовь сама по себе страстна и может подстегнуть развитие мании. Был, говорит, у меня один пациент – так он, вспыхнув любовью к нимфе Амфитрите, вообще в море бросился. И сия пучина поглотила его безвозвратно. Так что вы там осторожнее с любовью, коллеги-медикусы.

После Сорана: античный креатив

После Сорана и до самого заката Римской империи уже мало кто из докторов того времени уделял в своих письменных работах пристальное внимание психиатрии. Нет, чудесного массового оздоровления населения не произошло, как болели, так и продолжали болеть. Просто врачи удовлетворялись теми теоретическими изысканиями и умозаключениями, что были сделаны до них. Мол, чего тут думать? Всё давно придумано, лечить надо. Музыкой, цепями или вязками, рвотным или слабительным, тумакami или увещеваниями.

Даже Гален в своих трудах наработки по сумасшествию и его лечению даёт разрозненно, как бы промежду прочим. И это при том, что делает вскрытия и первым подробно описывает мозговые оболочки, указывая, что вот под ними-то, глубоко в желудочках мозга, и таится душа.

Да, основы конституции человеческого организма он, следуя канонам Гиппократa, расписал красиво и подробно (да-да, те самые, в которых рулят кровь, слизь, желчь обычная и желчь чёрная) – и душевнобольных пациентов сам лечил и другим завещал сообразно этой теории: кому кровь пустить, кого чемерицей напоить, кому ванны назначить, а кому диету особую.

Правда, и психотерапевтических приёмов не чурался, и поощрял изобретательность в этом отношении. Ведь увещевать можно по-разному. Вот, говорил он, эфесский врач Руфа умеет подход найти к больному: пациент уверяет, что у него башню снесло... простите, что головы нету, – а Руфа тут как тут со свинцовой шапкой. «Тяжело?» – участливо так спрашивает он пациента. «Тяжело», – соглашается тот. «А чему же тяжело-то, если головы у вас нет?»

Скорее всего, похожие приёмы применяли и другие доктора в схожих ситуациях, но лишь отдельные случаи сохранила история. Второй из таких описан Александром Тралльским, что жил тремя веками позже Галена, в труде «О медицинском искусстве». Женщина жаловалась – мол, совсем житья не стало, завелась у неё в животе змея. Живёт, понимаете ли, доктор, эта гадина внутри и не выходит ни так ни этак. Доктор пошёл на врачебную хитрость: дал даме рвотное, а в сосуд, заботливо предложенный ей, когда начали позывы, тихонько подбросил змею. После чего торжественно продемонстрировал ей результат победы добра над разумом: вот, мол, всё у нас с вами получилось!

Приём этот, кстати, продолжают в разных вариантах копировать до нынешних дней. А уж какое распространение он получил в XVII–XVIII веках в Европе... впрочем, дочитаете до тех лет – сами убедитесь. О результативности такого подхода, особенно при галлюцинаторно-бредовой симптоматике и в отдалённой после процедуры перспективе, скромно умолчим. Но ход изысканий, не без того.

Ещё один из видов сумасшествия, описанных во времена, когда Гален практиковал в Риме, так прочно вошёл в легенды и суеверия, что теперь уже сложно сказать, кто первый начал и кто при этом соавтор. Во всяком случае, нам интересен один из трудов Марцелла (не того, который епископ, и не той плеяды, которые все Марки Клавдии, а врача из Сиды). Доктор тот ещё был затейник – 42 книги по медицине в стихах написал. Кстати, хороший приём для учеников при сложности копирования письменного оригинала и отсутствии всеобщей грамотности – легче запоминается.

Так вот, в одной из своих книг Марцелл описывает болезнь, которой часто, с его слов, страдали жители горной Аркадии. Начинается она чаще всего в феврале: человек впадает в меланхолию, дичает и становится поведением похож на волка: воет, бродит по окрестностям, на людей нападает. А ночами скрывается на кладбище, раскапывая могилы, и только к утру, весь бледный, измождённый, нередко побитый и израненный, зато в прояснившемся сознании возвращается домой. Болезнь эту, как вы, наверняка догадались, Марцелл Сидийский величал ликантропией...

Средневековье

Арабский мир: лечим тоску шахматами

Раннее Средневековье. Христиане, чья религия практически на всей территории, занимаемой ранее Древней Грецией и Римской империей, стала официальной и, можно сказать, государственной, словно решили припомнить все бывшие обиды. Фанатики от религии преследуют не только жрецов старых богов – под раздачу попадают и учёные, и философы, и врачи.

Куда, к примеру, было деваться им из Александрии, где досталось не только мусейону и библиотеке, не только храмам, но и людям? Не в Сахару же, там к этому моменту было уже суховато, жарковато и в целом неприветливо. А вот в Месопотамию – да, другое дело. А оттуда и в Персию. Правда, её вскоре завоевали арабы, но те-то как раз оказались – надо же – куда терпимее к учёным мужам, нежели христиане. Так где-то в середине VII века и познакомились арабские мудрецы с древними (даже по тем временам) медицинскими трактатами – ведь спасали вынужденные эмигранты не только домашний скarb и золотишко, но и бесценные рукописи.

Ну а поскольку, завоевав себе довольно обширные территории, мусульмане взялись их обустраивать и развивать, то и интерес к науке – а вместе с нею и медицине – тоже заметно возрос. Во многих городах строятся больницы. Врачи, практикующие в них, после обхода больных и назначения им лечебных процедур тут же, во дворе, в тени больничных садов читают лекции – и слушателей собирается множество.

В Каире в 854 году открывается больница, в которой душевнобольным пациентам отведено специальное отделение. Сам эмир, давший на её постройку 60 тысяч динаров, навещал туда каждую пятницу: поглядеть, исправно ли врачи службу несут, не опустели ли кладовые, как больные поживают. Перестал он туда навещаться только после того, как один сумасшедший (да-да, из того самого отделения) бросил в эмира яблоком. Тем самым, которое он же, гад, у эмира и выпросил в подарок. И ведь добрые люди! Ничего тому пациенту за его чёрную неблагодарность не было. Хотя как знать: может, и удавили втихаря паршивца.

В целом же при лечении душевнобольных арабские медики руководствовались большей частью теми же греческими и римскими трудами. Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина (Авиценна, короче) вслед за древними греками и римлянами считал, что меланхолия есть темнота, что образуется внутри черепа из-за обилия чёрной желчи. Он же писал, что «против слёз и тоски необходимо применить в качестве лекарств развлечения, работу, песни, так как самая вредная вещь для умалишённого – страх и одиночество».

Надо сказать, что в арабской психиатрии в этот период главенствуют очень мягкие, гуманные методы по сравнению с таковыми у ряда древнегреческих и древнеримских врачей. Так, доктор Абу Бакр Мухаммад ибн Закария Ар-Рази (как вы понимаете, европейцы величали его просто и коротко – Разес) из Рея советует лечить тоску игрою в шахматы. А Абу Марван Абд аль-Малик ибн Аби-ль-Ала Зухр (при дворе в Севилье его, сломав пару раз язык, величали Авензоаром) очень осуждал описываемое в древних трудах лечение душевнобольных калёным железом. Мягче, говорил он, надо быть к людям.

Собственно, эта терпимость к странным и одиозным людям вообще довольно характерна для мусульманского Востока тех времён. Видимо, сказалась привычка наблюдать на улицах пляшущих дервишей, факиров из Индии и прочих интересных персонажей, которых наш современник окрестил бы фриками.

Европа: католики ещё хорошие

А что происходило в эти же времена с точки зрения развития психиатрии в Европе? На первый взгляд может показаться, что, оказав себе медвежью услугу, когда жгли языческие храмы и библиотеки, когда досталось и жрецам, и учёным, и врачам, христиане Европы лечились исключительно молитвой и постом. А сумасшедших (бесом же одержимы!) пользовали очищающим пламенем костров и калёным железом. Ан нет, не всё было настолько мрачно – во всяком случае, поначалу.

Книги жгли, было дело. Но кое-какие трактаты, и в немалом количестве, понимая их ценность, церковники всё же смогли сохранить – для своих библиотек, естественно. По сути дела, духовенство было самым образованным слоем населения. И было бы странно, если бы у них не завелись свои целители: люди же идут, обращаются, и не только с целью исповедоваться и благословение получить. Шли в монастыри и душевнобольные: известно, что где-то с третьего века там стали проводить обряды экзорцизма для «припадочных» – то есть пациентов с хореей, эпилепсией, истерическими припадками. Заметьте: в монастырях пациентов пока ещё не жгут, а бесов из них изгоняют.

И не только в монастырях. На местах, в деревнях и городах люди пока ещё вполне терпимы к своим сумасшедшим. Да и сколько тех городов-то, да и сами города по большей части – пока одно только название. Большой скученности ещё нет, жизнь пока не зажата в узкие рамки правил и цеховых уставов, и поэтому пока ещё немногочисленные в этой массе сумасшедшие не вызывают столь сильного желания решить вопрос радикально. Кого-то, особенно в деревнях, можно и в сарае подержать, связав при необходимости. С кем-то, если есть время и есть кому, можно паломничество за компанию совершить до какого-нибудь монастыря: глядишь, и помогут больному, а то и у себя оставят.

Благо что медициной начинают целенаправленно заниматься целые монашеские ордена: алексиане и иоанниты, бенедиктинцы и госпитальеры. Помещения при монастырях и отдельные убежища, приюты и странноприимные дома – практики хватало, было бы кому ей заниматься.

Правда, даже в те времена находились особо рьяные блюстители духовной чистоты, предпочитающие подойти к делу с огоньком, нежели возиться с экзорцизмом. Но, как правило, это была частная инициатива на местах, которую церковь да и светская власть не особо-то и жаловали. Была даже написана, размножена (от руки, естественно) и разослана по приходам... назовём её методичкой. *Indiculus superstitionum*, или «Указатель суеверий». Чтобы проповедники там, на местах, знали, с какой напастью может прийти электорат, и чтобы можно было сразу для себя распознать, где следует забить тревогу, а где – просто забить.

Очень востребованный «Указатель», к слову. Дело в том, что, сколь ни пыталась Церковь искоренять на местах веками сложившуюся мифологию и завязанные на неё обряды, полностью этого сделать так и не удалось: кадры решают всё, а где же взять столько образованных и по-настоящему благочестивых миссионеров? Вот и приходилось подробно перечислять в методичке, с какими персонажами может столкнуться слуга Господа, неся свет религии в ширнармассы.

Кстати, с некоторой степенью вероятности можно предположить, что именно из-за древних мифов отношение к детям с отклонениями в развитии, как физическом, так и умственном, было относительно терпимым в те суровые времена.

Дело в том, что традиционно считалось (не повсеместно, но тем не менее), будто такие дети – это *dickkopfs*, или *kielkopfs*, подменыши. А уж кто спёр настоящего ребёнка – гномы, цверги или эльфы, – зависело от того, где в кого верили. Подменыш всегда уродлив, прожорлив и при этом тощ, глуп и проказлив. А обижать такого не стоило: ведь, когда маленький наро-

дец всё же сподобится забрать своего питомца обратно, матери вернут её настоящего ребёнка: целого, здорового, весёлого и словно пробудившегося от долгого сна. То есть там, у гномов (цвергов, эльфов), о нём заботились как следует. Вот и не надо их без нужды раздражать, срывая досаду и зло на подмёныше. Но вернёмся к добрым католикам.

Как бы там ни было, несмотря на «Указатель суеверий», время от времени некоторые из священнослужителей, а то и просто жители приглашали мыслящих иначе на огонёк, и в 805 году, во времена правления Карла Великого, вышел декрет: дескать, сжигать всякую особу, в которой мнится ведьма, пусть даже вы уверены в том, что засуха или лютые морозы, падёж скота или повальный понос в ваших Гроссен Катценхаммерх делё её рук, – не только не комильфо, за это ещё и огрести можно по всей строгости закона. И нечего списывать на злые вражеские козни превратности погоды, собственную криворукость и нечистоплотность. Кстати, подействовало. Лет этак на пятьсот.

В те года и до самого Ренессанса добрые католики действительно были добрыми: во всяком случае, духовенство не испытывало ни жгучей ревности, ни особой вражды к светской науке. Видимо, власти на тот момент им было достаточно и силу за собой они чувствовали, а конкурентов в борьбе за умы и души людские просто в упор не видели. Потому и сами с интересом изучали древние трактаты, в том числе и медицинские. Гиппократ, Гален, Цельс и прочих авторов копировали – чаще всего отрывками, представлявшими для братии наибольший практический интерес, – и эти отрывки во множестве ходили по монастырям Германии, Франции, Испании, Италии и Англии.

Кроме того, примерно в этот промежуток времени всплывает забытая было «Психомехия», или поучительная поэма о душевной борьбе, написанная где-то в самом начале V века (402–404 годы нашей эры) советником императора Феодосия и по совместительству поэтом, воспевающим христианские добродетели, Аврелием Пруденцием Клементом.

В «Психомехии» рисуется борьба двенадцати пар противоположностей, или воинов добра и зла, которые пытаются поделить меж собой власть над душой человека: Вера и Идолопоклонство, Надежда и Отчаяние, Милосердие и Скупость, Непорочность и Сладострастие, Осмотрительность и Безумие, Терпение и Гнев, Кротость и Жестокость, Согласие и Распря, Послушание и Непокорность, Постоянство и Изменчивость...

Позже, веку этак к XIII, к «дурному войску» начнут относиться менее терпимо – и к безумию в том числе: порок же! Но это произойдёт позже.

А пока эти копии читают не только святые братья, и вот уже к девятому веку в Европе формируется тип нового для того времени врача. Это не монах, хотя связь с монастырями многие из них поддерживают. Это уже не деревенский коновал: живёт такой врач, как правило, в городе; он грамотен – причём знает, помимо родного языка, как минимум ещё и латынь, оптимально – греческий, в идеале – ещё несколько языков, чаще всего тех стран, где он успел побывать, попрактиковать и поучиться.

А побывать доктор успел уже и в просвещённой и богатой арабской Испании, где научился не только хорошо торговаться о цене на своё искусство, но и труды Авиценны, Авензоара и Разеса изучить; и в солнечной Италии задержался – а там никогда и не забывали ни былого величия Рима, ни тех учёных, которыми, помимо своих легионов, он был славен.

Возможно, этот доктор успел заглянуть и в Салерно, в знаменитую врачебную школу, которую основали грек Понтус, араб Абдаллах, еврей рабби Елину и скромный безымянный магистр Салернский. Возможно, даже отучился в ней 9 лет, три из которых посвятил логике, пять – теории медицины по тем самым бесценным копиям с древних свитков и последний год – показывая на практике то, что успело уложиться в голову и впаяться в моторику.

Вероятно, даже видел, как за крепкими стенами монастыря на холме Монтекассино, где, учинив акт праведного вандализма над статуей Аполлона и храмовым алтарём, святой Бенедикт Нурсийский и основал эту строгую обитель, лечат добрых католиков от чёрной тоски по

умершим друзьям. Не исключено, что ему даже доверяли готовить особое лекарство от этой тоски – свиное сердце, начинённое целебными травами. Видимо, сильное было средство, раз прочно вошло в рецептуру госпиталя. Хотя как знать – может, тоска в панике пряталась в потаённый уголок души, лишь бы носителя ещё раз этим блюдом не попотчевали...

Константин Африканский – типичный врач своего времени

Кстати, типичным примером доктора того времени был и оставшийся преподавать в этой школе Константин Африканский. Бербер, родившийся в Карфагене (да, в том самом, который должен быть разрушен), он почти полжизни провёл в Северной Африке. Учился врачеванию в Багдаде, слушал лекции в каирском университете аль-Азхар, практиковал в Месопотамии, успел побывать в Эфиопии и Индии.

Вернувшись на родную карфагенщину, Константин быстро стал знаменит: ещё бы, такие знания, такие умения! Это его чуть не погубило. Ревность коллег по цеху, знаете ли, с первым же цехом и родилась. И с веками не ослабла, коллеги не дадут ни соврать, ни расслабиться. Вот и в карфагенских врачах разыграло ретивое: дескать, вы поглядите, что этот выскочка творит! Мало того что пациенты к нему на приём валят, как на хлебные амбары в голодный год, так некоторым ещё и лучше становится! Этак он у нас лучшую клиентуру переманит. А нет ли тут злого колдунства? Хотели даже зазвать его на диспут о злых чарах – мол, заходите к нам на огонёк, но Константин быстро просёк, чем дело пахнет, и смазал пятки харамным салом. Дескать, спасибочки, конечно, но климат Сицилии внезапно показался мне даже полезным для здоровья, отплываю ближайшим нефом, люблю и уже скучаю, ваш Костя Африканский. Шаланды, полные кефали...

В Салерно Константин, памятуя о длинных руках африканских коллег, пробирался, рядясь под нищего. А может, и в самом деле в пути поиздержался. В Салерно его заметил и приветил Роберт Отвиль, Роберт Хитрец, герцог Апулии и Калабрии. И Константин получил предложение, от которого не смог отказаться: заняться врачеванием и преподаванием в Салернской врачебной школе.

Именно там он переводит с древнегреческого на латынь труды Гиппократов и Галена, а с арабского – книги Разеса, ибн Сулеймана (на самом-то деле он Ицхак бен Шломо ха-Исраэли, и Константин Африканский вообще при переводе его книг не упоминает его авторства), Иоханнитуса (который на самом деле Абу Зейд Хунайн ибн Исхак аль-Ибади) – и благодаря этим переводам труды древнегреческих и древнеримских медиков и философов, щедро одобренные собственными наблюдениями и измышлениями арабских мудрецов, сохранивших и дополнивших их своими замечаниями, вернулись к европейскому читателю.

Про Константина Африканского я рассказываю так подробно ещё и потому, что в Салернской врачебной школе именно он плотно занимался проблемой меланхолии. В те времена под гребёнку этого диагноза гребли едва ли не всех сумасшедших, за исключением разве что припадочных и одержимых, и Константин написал целый трактат «О меланхолии». В котором, надо признать, довольно метко даёт ей определение (если мы поставили бы знак равенства между меланхолией и депрессивным состоянием): меланхолия суть такое состояние души, когда человек твёрдо верит в наступление одних только неблагоприятных для него событий.

В Европе появляются университеты

Пример Салернской врачебной школы оказался заразителен. Ещё бы: доктора действительно чему-то учатся и действительно что-то да умеют, и тому, кто эту школу закончил, доверия как-то больше, чем какому-нибудь бродячему шарлатану. Настолько больше, что в XII веке Фридрих II, божьей милостью император Священной Римской империи, постановил: врачебную лицензию в его владениях давать только в этой школе.

Понятно, что у других братьев по скальпелю и клистирной трубке взыграла та самая профессиональная ревность – мол, мы-то тоже не какой-нибудь форамен экс бубликум! И вот уже у ломбардцев в Болонье открывается медицинский факультет, создаются университеты в Монпелье и Париже, а у британцев – в Кембридже и Оксфорде... понятно, что не ради одной лишь медицины, но её там непременно преподают. Ну как преподают – копируют, копируют и снабжают собственными глубокомысленными комментариями всё те же копии с древних трактатов, но даже это – уже шаг вперёд.

Более того, именно в этих университетах появляются первые робкие попытки не только над готовым текстом резонёрствовать, но и собственные наблюдения и опыт собирать и излагать. Так, Антонио Гуаянери, профессор медицины в Павии и в Падуе, описывает случай афазии и буйного помешательства от неумеренного употребления вина. А практикующий и преподающий там же Михаил Савонарола (не путать с внуком Джироламо, первой ласточкой Реформации и несостоявшимся тираном) призывает с долей здоровой критики отнестись к методам лечения, широко применяющимся к помешанным, только из-за того, что «так всегда было принято».

Вот, говорил он, привыкли в его времена сечь сумасшедших бедолаг розгами, да чтобы до крови, и с умным видом заявляли при том, что-де дают диверсию материальной причине мании. Или же иглами да шипами кололи, горчичники на всё тело применяли. Потому что, мол, ещё великий Цельс завещал. Ну и что? Цельс-то в какие времена всю эту дичь писал? Мы-то с вами, чай, в просвещённой Европе живём! Надо же понимать, что у пациента от боли и такого к себе отношения *insania lupina*, сиречь волчья ярость разовьётся. Надо ласковее с ним: небольшие (небольшие и осторожные, подчеркну!) кровопускания ему устраивать, банки на ноги ставить, рвотные и слабительные правильно чередовать, а главное – тёплые ванны пусть регулярно принимает.

И вообще, самое первое и главное – вернуть пациенту утраченный сон. Для этого неплохо бы поселить его в прохладной местности, около реки, и раскачивать на висячей койке, на манер колыбели.

В общем, очень, очень мягкий – особенно для эпохи уже наступающего Ренессанса – доктор. Жаль, не успел привить свой гуманизм внуку: умер в 1461 году, когда Джироламо было 10 лет... Ну и, опять же, с экстраполяцией опыта Михаила Савонаролы на всех сумасшедших в массе мог выйти вполне ожидаемый затык: если сельской местности кругом пока ещё сколько угодно, то где взять столько раскачивающего колыбель персонала? Проблема, однако.

В тесноте, да в обиде

Но вернёмся с вами к средневековой Европе и посмотрим, как меняется положение и житие душевнобольных людей к моменту перехода раннего Средневековья к высокому и далее к позднему. А меняется оно, увы, не в лучшую сторону.

Почему? Как ни парадоксально, именно потому, что ширнармассам в целом жить становится лучше, жить становится веселее. Ну может быть, землю пахали без песен и плясок, но климатический пессимум раннего Средневековья (он же пессимум эпохи Великого переселения народов), который подкрался вслед за римским климатическим оптимумом, где-то к 950 году помахал всем холодной ручкой и уступил остывшее место Средневековому тёплому периоду, который продлился приблизительно до 1250 года.

А значит, и на полях заколосилось погуще, и стада стали потучнее, да и агротехнику в голодные годы успели подтянуть. Опять же, церковь не только Крестовые походы повадилась объявлять, но и о прихожанах худо-бедно заботилась, вселяя в тех робкую уверенность в завтрашнем дне. И демография просто не могла не отреагировать на такой праздник жизни: с 1000 по 1340 год население Европы вырастает почти в три раза, с 64 до 187 миллионов человек по приблизительным подсчётам. Да, позже по европейским просторам успели потоптаться все четыре всадника Апокалипсиса, но к уровню тысячного года население уже никогда более не откатывалось.

К чему такое отступление? К тому, что людей стало больше, жить стало теснее. А в городах, которые росли, как грибы после тёплого дождика, так и подавно. Соответственно (от этого никуда не денешься) и сумасшедших стало больше. Причём не только больше: если в деревнях, как уже было говорено, их ещё можно было худо-бедно скрыть с глаз долой – опять же, не чужие ведь люди, то в городах такое шило в мешке оборачивалось конкретной занозой сразу во многих задницах.

А теперь задайте себе вопрос: сильно ли, прости господи, толерантнее были горожане той эпохи, чем их нынешние соотечественники? Особенно учитывая тот факт, что сумасшествие по-прежнему продолжает считаться либо одержимостью, либо наказанием господним, либо следствием того, что человек что-то в своей жизни сделал сильно не так – словом, сам виноват и сам дурак?

В городах, до магистратов которых доходит простая аксиома, что величина разума, отведённая на отдельно взятый населённый пункт, есть константа, а население при этом растёт, начинают принимать меры в отношении сумасшедших. Пока (благо за прецедентами далеко ходить не надо) горожане сами их не приняли. Меры эти, как вы сами наверняка уже догадались, ограничительного характера.

Куда девать душевнобольных

Если у скорбного главою в городе были родственники, то вся забота о нём ожидаемо становилась их обязанностью. Городу было неважно, какие меры примет родня: главное – с глаз долой, чтобы пациент не смущал покоя горожан и не угрожал их безопасности. Вон-де у вас на заднем дворе пристройка вместительная, да и погреб в доме глубокий, да и за домом закуток имеется – извольте держать вашего сумасшедшего взаперти. Да хоть и на цепь посадите, никто слова не скажет, лишь бы цепь была покороче и не на виду он сидел. Иначе сами понимаете, спрос будет уже с вас...

В старинном испанском кодексе тех лет было чётко прописано: помешанный, маньяк и слабоумный не ответственны за поступки, содеянные ими во время болезни; ответственность падает на родных, если они не сторожили больного и этим не воспрепятствовали тому ущербу, который он нанёс другим.

Видите – основы определения недееспособности и невменяемости законодательно закладываются уже тогда. Как и ответственность опекуна.

А что делать, если больной одинок? В Германии в таком случае заботу (пусть даже она ограничивается запертым чуланом и скудной кормёжкой) брал на себя город или какой-то из цехов. В Бретани эта обязанность вменялась приходскому духовенству.

Впрочем, бывало и так, что родственники у такого больного есть, но либо не могут, либо не хотят за ним присматривать. Ситуация вполне рядовая, причём не потерявшая актуальности и по сей день. И как быть? Можно было отдать такого пациента за оговоренную плату на содержание в другой дом: желающие подработать таким образом обычно находились. Если же родня сама едва сводила концы с концами, имелся вариант с прошением к магистрату – возьмите, мол, на себя его содержание в изоляции. Да хоть бы и в тюрьму... впрочем, о тюрьмах чуть ниже. И городские власти, кстати, порой даже шли навстречу.

К примеру, в 1427 году приехал во Франкфурт поверенный в делах маркграфа бранденбургского. Приехал – и скоропостижно двинулся глуздом. Можно было бы, конечно, поступить с ним так, как обычно поступали с сумасшедшими иногородцами и чужестранцами (чуть-чуть терпения, сейчас и до них речь дойдёт), но неудобно как-то. Опять же, не ровён час, маркграф обидится, сделает оргвыводы, и тогда будет просто беда. Вот и решили на уровне городских властей не обострять: нашли бедолаге отдельную квартиру с крепкими дверьми и надёжными замками, наняли за счёт города сторожей – в общем, уважили.

А как обычно поступали, если в городе сходил с ума (или приходил в город уже сумасшедшим) чужак – странник, житель соседнего города, иноземец? В таких случаях город выделял провожатых и отправлял болезного домой, на родину. Ну если удавалось выяснить, где она у него, эта родина. А там либо родне на руки сдавали, либо оставляли на попечение общест-венности. Известно, например, что по высочайшему повелению короля Франции и постановлению парламента Экс-ан-Прованс тамошние коммуны были обязаны кормить своих бедняков и держать взаперти своих помешанных. Ну а раз обязаны – нате, берите и держите.

Ну хорошо, скажете вы, а как быть, если душевнобольной чужеземец не говорит, откуда он тут такой интересный взялся? По слабоумию не помнит, или голоса ему запрещают, или бредовые убеждения не велят – тогда как быть? Да очень просто. Как в сказке про Федота-стрельца, удалого молодца: мы посадим вас в бадью, кинем в море – и адью. Ну не то чтобы прямо в бадью и не конкретно в море, конечно, но нередко практиковалось такое, что брали помешанного под микитки да и увозили подальше от города, к самой границе владений, а там отпускали на все четыре стороны (про Рембо первый фильм все помнят? Вот примерно так и поступали).

А если упрямец возвращался в город – били кнутом без пощады и снова отвозили куда подальше. Мол, тут, в городе, своих-то не знаем куда девать, а уж пришельцев и подавно, так что будешь ушельцем.

В Нюрнберге, если верить Мишелю Фуко и его «Истории безумия в Классическую эпоху», в первую половину XV в. было зарегистрировано 62 умалишённых; 31 человек был изгнан из города; за следующие пятьдесят лет, судя по дошедшим до нас свидетельствам, еще 21 человек не по своей воле покинул город – причём речь идёт только о безумцах, задержанных муниципальными властями.

Во Франкфурте-на-Майне магистрату было проще: город стоял на полноводной и судоходной реке, так что ноги можно было не бить. В архивах города хранятся истории о выпроваживании сумасшедших за его стены. Так, в 1399 году бегал у них один такой по городу голым. Что, сами понимаете, не способствовало ордну и сильно смущало местных фрау и фройляйн. Вот и дали власти города распоряжение: наготу прикрыть, провожатого выделить, в лодку посадить – и дрейфтен вниз по течению нах... ну вы в курсе, что и в немецком, и в русском это слово так или иначе обозначает направление. В общем, куда подальше.

Через 7 лет, в 1406 году, рыбакам велели другого помешанного аж до Майнца прокатить – а это, если кто не в курсе, уже на Рейне. В 1427 году сошедшего с ума подмастерья кузнеца дважды катали туда. Да всё без толку – оба раза обратно дорогу находил. На третий раз, одев бедолагу (ибо вернулся в город гол как сокол), дали указание – везите, мол, ещё дальше, нах... да хотя бы нах Кройцнах. Оттуда, судя по всему, подмастерье обратно уже не добрался – во всяком случае, продолжения эта история в городском архиве не имеет. Хотя как знать: может, бедолаге пошли на пользу тамошние литиевые воды...

Скорее всего, из какого-то невероятного сплава этих городских хроник и общей народной готовности к чему-нибудь мистическому (а может, ещё и мифы про Ясона с его аргонавтами подсуропили) родилась на берегах Рейна легенда про *Narrenschiff*, загадочный корабль дураков, который ходит по Рейну и по фламандским каналам. С его борта доносится пьяный смех и дурацкая музыка, пьяна его команда (ну чисто алконавты), и пьяны его пассажиры. Так что расти умным, сынок, – неровён час, приплывёт за тобой Корабль дураков и увезёт к чёрту на рога!

Позже легенда эта найдёт отражение и в поэме «Голубая шаланда» Якопа ван Устворена (1413), и в сатирической поэме *Daß Narrenschiff ad Narragoniam* Себастьяна Бранта (1494), и в картине «Корабль дураков» Иеронима Босха (1495–1500), вернее, в верхней части триптиха. А в герцогстве Бургундском Корабль дураков станет вполне себе официальным государственным мифом: мол да, плавает тут у нас.

Что касается городских тюрем, то мера эта, несмотря на ожидаемые от мрачного Средневековья ужасы и кошмары, применялась далеко не ко всем сумасшедшим подряд. Для этого надо было действительно сильно отличиться буйством или чем-то ещё, сильно мешающим горожанам, либо крепко насолить магистрату. И при этом быть одиноким либо попасть в ситуацию, когда родня не в состоянии с тобой справиться, держа от чужих глаз подальше.

Сохранилось прошение, написанное в XV веке: подмастерье ткацкого цеха просит наладить своего слабоумного брата в тюрьму. Дескать, и рад бы держать его взаперти сам, да нет никаких сил. Уже и комнату в частном доме для него снимал, но вы же сами знаете, какие нынче цены – вот и вогнал себя в расходы предвиденные, но непомерные.

Осталась в исторических документах и ещё одна ситуация. Мясник Клезе Нойт был горожанином обеспеченным, даже богатым. И родня, даже если бы и не отважилась держать его дома своими силами, уж всяко смогла бы отжалеть деньгу на наём квартиры и добрых христиан покрепче. Ан нет, в 1415 году пациента заточили в самый крепкий каземат городской тюрьмы, да аж трёх сторожей приставили, «дабы Клезе Нойт, мясник, не вырвался из тюрьмы». Видимо, сильно человек отличился.

Справедливости ради стоит сказать, что не тюрьмами едиными городские власти ограждали себя и горожан от беспокойных безумцев. Могли и просто в подвал под ратушей посадить. Ну мало ли: тюрьма переполнена или условия там не те. В некоторых городах – в Гамбурге, Брауншвейге, Нюрнберге, Франкфурте, например – внутри городских стен оборудовали Tollenkisten (буквально – «ящики для бешеных»). Это небольшие такие камеры с крохотным зарешеченным окошком на улицу – в самый раз, чтобы протянуть руку за милостыней. Или нехитрым угощением: всё-таки милосердие людям было не чуждо и в те времена, а по праздникам так сам бог велел. Местной детворе, опять же, развлечение: подразнить сумасшедшего безнаказанно, нравы-то проще были.

В Гамбурге, видимо, городских сумасшедших оказалось довольно много, либо городские власти отличались методичностью подхода к их размещению – во всяком случае, в 1376 году, помимо Tollenkisten, в одной из башен городской стены оборудовали помещение размером побольше. Называлось оно на официальной латыни *cista stolidorum* – ящик для безумных. Или *custodia fatuorum*, сиречь карцер для дураков.

В Любеке Tollenkisten располагались прямо внутри городских ворот (угадайте: Бургтор или Холстентор?), благо массивность сооружения позволяла.

Тут нужно заметить, что безобидных сумасшедших – тех же имбецилов и дефектных шизофреников, спокойных и не особо смущающих покой горожан и крестьян, никто особо не пытался куда бы то ни было упрятать. Ну бродят себе по дорогам, улицам и площадям, милостыню выпрашивают – и ради бога.

Лечат как могут – но ведь и на костёр не тащат

«А что же насчёт лечения?» – спросите вы. В целом понятно, где эти больные люди содержались и как с ними обходились, но лечили-то как? Ответу: в большинстве случаев – никак. Нет, кое-где сохраняется и передаётся по наследству от античных докторов практика применения той же чемеричной воды – и как слабительного, и как рвотного; делаются кровопускания и растирания, применяются ванны, кое-где идут в ход коррекционные люли и процедуры экзорцизма.

В Салернской врачебной школе по-прежнему готовят фаршированное лекарственными травами свиное сердце, а в горном шотландском селении Сент-Филланс, рядом с которым фейри водят свои хороводы, становятся популярными местные источники, обладающие просто чудесным успокаивающим свойством – это потом выяснится, что им они обязаны литию, присутствующему в той воде.

Правда, случаи, когда душевнобольного именно лечат, а не просто держат взаперти, всё же единичны, на заказ, так сказать. Но ведь лечат, и пусть поговаривают местами, что, мол, слуги лукавого этих людей одолевают, но всё же на очистительный костёр не тащат. Вернее, прецеденты случаются, но в большинстве мест декрет, изданный ещё при Карле Великом, всё же помнят и соблюдают.

Ну и как тут же не вспомнить одно характерное для Раннего Ренессанса суеверие и связанную с ним же занятую хирургическую процедуру! Дело в том, что в эпоху Возрождения (да, строго говоря, не только в её временных рамках) любой уважающий себя алхимик нет-нет да и задумывался: а не заняться ли поисками или сотворением философского камня? Это же такая нужная в хозяйстве вещь, не говоря уже о способе решения всех финансовых проблем и мощной чесалке для чувства собственного величия! Уже невозможно доподлинно выяснить, кому же первому, ироничному и шустрому, на контрасте пришла в голову идея о том, что раз есть философский камень, камень мудрости – значит, должен быть и камень глупости.

Но ведь не только пришла, но и прочно осела в головах. Причём настолько прочно, что в нидерландском языке осталось выражение «камень в голове» как синоним глупости, а также «вырезать камень», то бишь обмануть. Располагаться этот камень глупости мог где угодно – главное, чтобы на голове. Художники тех времён традиционно рисовали его за ухом или на лбу – как, например, сделал это Квентин Массейс в своей «Аллегии глупости», написанной где-то в 1510 году, вскоре после выхода в свет «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского.

Но народ-то верил! И ощупывал голову в поисках таких камней, и что главное – о ужас, находил! А далее начинались мучительные рефлексии – и вот уже клиент созрел. И шарлатану от хирургии (а может, и не шарлатану, а просто чуткому к запросам клиентов или, что хуже, свято верящему в этот бред медикусу) оставалось только провести операцию, удалив липому, бородавку, а то и просто сделав разрез над шишкой и жестом фокусника явив извлеченное из разреза нечто.

Ура! Добро в очередной раз победило разум! Судя по всему, тема оказалась очень актуальной. Во всяком случае, до нас дошли несколько картин с этим сюжетом: «Извлечение камня глупости» Иеронима Босха (написана в промежутке между 1475 и 1480 годами), «Вырезание камня безумия» Питера Брейгеля-старшего (ок. 1550), «Извлечение камня глупости (Аллегория осязания)» Рембрандта Харменса ван Рейна (1624–1624), «Шарлатан извлекает камень безумия» Яна Стена (ок. 1650–1660).

И вообще, медикусов, хоть и постепенно, но всё активнее начинают привлекать к осмотру таких сумасшедших больных – хотя бы для того, чтобы можно было не просто обозвать человека дураком, а получить тому вполне официальное по тем временам подтверждение. Вот вам

пример ещё одной (про Гиппократ и Демокрита я вам уже рассказывал) психиатрической экспертизы. Вернее, даже судебно-психиатрической.

Состоялась она в Нюрнберге в 1531 году, через три года после того, как Конрад Глазер, учитель арифметики, столкнул с лестницы свою мать и своего ученика, юного Крессена. Мать Конрада, увы, скончалась после падения, а ученик получил довольно серьёзные травмы. Глазера было арестовали и заточили в тюрьму, но уже через несколько дней надзиратели стали жаловаться: мол, сколько можно! Все арестанты как арестанты, а этот мало того что себе мозг вывихнул, так ведь и добрым людям выносит за компанию!

Городские власти к жалобам прислушались: чай, не звери какие и не в Средневековье каком-то живём, а очень даже в Раннем Возрождении. И перевели Глазера из тюрьмы в частный дом, под пригляд штатткнехта (что-то вроде сержанта городской полиции или даже младше чином), которому было велено держать скорбного главою учителя на цепи и глаз с него не спускать – мол, и так ясно, что не тюрьма человеку нужна, а просветление в мозгу.

Через месяц жена больного и его опекун стали просить городские власти забрать Глазера домой: мол, и ему будет спокойнее, и нам не так накладно – уж больно много приходится штатткнехту платить за роль сиделки. И пока штатткнехт присматривал за пациентом, те провели летучку, поставив на повестку дня вопрос ребром: а ну как сумасшедший сбежит? Что тогда? Обязать в таком случае жену и опекуна пациента самим сдать в тюрьму? Или залог содрать побольше?

Сошлись на том, что деньги мотивируют сильнее, и вскоре Конрад уже сидел дома, под прочным замком, ключ от которого ежедневно сдавался в ратушу, и глядел на улицу через установленные на окнах решётки.

Родственники Крессена, впрочем, такого милосердия не оценили: мол, преступник и убийца должен сидеть в тюрьме! Началась судебная тяжба. Городские советники давили на жалость и сочувствие к заблудшей душе: мол, не надо ожесточать человека сверх меры, пусть и дальше сидит дома до полного осознания и просветления, а как придёт обратно в разум, можно будет и вовсе его освободить. Родня потерпевшего стояла на своём. Сам Глазер в апреле 1530 года тоже написал прошение к бургомистру – мол, цепи слишком тяжёлые, нельзя ли снять?

В общем, потребовалось мнение эксперта, и вот 10 мая 1531 года доктора Зеобальд Пуш и Иоганнес Шиц навещают пациента. И приходят к заключению, что здоровье его, в том числе и душевное, идёт на поправку. А чтобы совсем человеку захорошело и чтобы рецидива не случилось, прописывают ему интенсивный курс целебных клизм и прямо тут же пускают ему кровь – не всю, естественно, а тоже исключительно в лечебных целях.

По окончании курса лечения доктора пишут бургомистру подробный отчёт: дескать, всё под контролем, дорогой герр Фольккамер. Крови выпущено суммарно столько-то литров, клизм поставлено столько-то штук, больной уверенно идёт на поправку и есть надежда, что дойдёт. Вот счёт за лечение и экспертизу, с приветом, Пуш унд Шиц.

12 сентября с Глазера сняли цепи и даже разрешили ему заглядывать в церковь на проповеди и прогуливаться у городских ворот. Вернуться к преподавательской деятельности ему позволили в 1533 году, но хроническая болезнь есть хроническая болезнь, и в 1538 Глазеру снова в приказном порядке запрещают посещать рынок и прочие людные места: только из дома до церкви и обратно. Видимо, хорошенько достать успел всех.

Рождение дурдома

Да, душевнобольных в Средние века пока ещё не столько лечат, сколько стараются изолировать от окружающих, причём в основном всяк по своему разумению и возможностям, но именно Средневековье можно назвать эпохой, в которой появился первый дурдом. Именно дурдом, а не психиатрическая больница, поскольку лечение так и остаётся удачей (или неудачей, как посмотреть) единиц.

Так кого же можно назвать пионером этого благого дела? Леклерк (не тот, который гонщик, и не тот, который танк, а Никола-Габриель, медик и историк), как вы помните, уверяет, что уже в 854 году в Каире было создано отделение для душевнобольных при тамошней больнице.

А ещё он пишет, что и в других городах – в Багдаде, Дамаске, Фесе – были довольно неплохо обустроенные приюты для сумасшедших. Но, во-первых, исторические заметки Леклерка, особенно о России, ещё Иван Никитич Болтин критиковал, а императрица Екатерина II так вообще его за них скотом скучным и глупым обозвала, а во-вторых, во времена, когда писал Леклерк, было модно придавать флёр романтичности и мистицизма всему восточному, арабскому. Не исключено, что и исторические заметки этим самым флёром пропитались в ущерб объективности (хотя когда бы вы нашли её, эту объективность, в исторических трудах?).

То ли дело итальянцы с их упоминанием о богоугодном и благотворительном заведении для сумасшедших в Фельтре, что было основано аж в XII веке! Правда, сейчас ни в одном туристическом справочнике вы его не найдёте, но местные жители охотно вам покажут, где оно находилось. Если сами вспомнят.

В Швеции, в Уппсале, в 1305 году силами монашеской братии был построен Дом Святого Духа – вроде бы обычное странноприимное заведение, но поговаривают, что туда и душевнобольных определяли на постой. Занятная получилась гостиница.

И всё же, если говорить о заведениях, полностью заточенных под содержание и уход за душевнобольными, то среди самых первых стоит вспомнить о паре таковых.

Первое, если верить рукописным городским хроникам, было основано в 1326 году в Сант-Гергене, что близ тогда ещё германского Эльбинга (ныне польский Эльблонг). Не с нуля: ещё ранее там был лепрозорий Святого Георгия. А уж когда он опустел, в освободившиеся дома стали селить помешанных. Правда, в дальнейшем судьба этого первого дурдома теряется в дымке истории, не оставляя каких-либо значимых свидетельств о том, что было далее. Может быть, виною тому чума, в 1360 году выкосившая только в Эльбинге 13 тысяч жителей (то есть в живых остался лишь каждый десятый)?

О втором заведении известно больше. Его основали в 1409 году в Валенсии, посвятив Святой Деве Марии; больница эта и носила имя Santa Maria dels Ignocents (а ещё Убежище Мадонны) и была предназначена именно для помешанных пациентов. Говорят, что деньги на её открытие собрал своими проповедями монах Хуан Джилаберто Хоффе. Однажды он шёл на службу в церковь, и вдруг увидел, как местная шпана изгаляется над сумасшедшим. Защитить святой отец бедолагу защитил, но запало ему это в душу. Вот и взялся он за сбор средств – как говорят добрые католики, успешно. Пятью годами позже, в 1414 году, происходит два события.

Первое: в больнице чудесным образом (кто-то говорит, что сами ангелы изготовили, кто-то – что три таинственных паломника) появляется статуя Девы Марии, которую позже назовут *Gererudeta*, или Горбатенькая. Дело в том, что изначально эта статуя располагалась лёжа, при этом голова её лежала на подушечке: будучи защитницей обездоленных, заступницей беззащитных и отверженных, она сопровождала их в последний путь. При этом статую клали сверху на крышку гроба, и она, символизируя защиту и покровительство, провожала покойного (часто – казнённого) до самого места его погребения.

Вскоре после своего появления статуя становится знаменитой на весь город: по слухам, она исцелила от паралича жену одного из членов братства, о котором речь пойдёт чуть ниже. Позже статую Девы поставили вертикально, чтобы дать людям на неё полюбоваться, – а наклон головы, некогда лежавшей на подушечке, так и остался, будто Дева Мария заметно горбится. Отсюда и прозвище.

Второе: при больнице, которую между собою уже называют *manicomio*, или сумасшедшим домом, учреждается братство *Cofradia de Nuestra Secora de los Locos Inocentes, Martires y Desamparados*. Уже из названия понятно, что цель его – помощь безвинным сумасшедшим, мученикам и беспомощным. А также подкидышам и бесприютным сиротам – их в середине XIV века, после того как по Европе прокатилась Чёрная смерть, в Валенсии стало особенно много. Ну и приговорённым к смертной казни братья тоже оказывали духовную поддержку.

Главное же то, что вскоре после открытия больницы все психически больные люди из города и его окрестностей переместились в Убежище Мадонны. Уверяют, что брали сюда всякого пациента – вне зависимости от чина, национальности или веры. По примеру Валенсии подобные заведения открываются и в других городах Испании. Так, в 1425 году в Сарагоссе был организован госпиталь, двери которого были открыты для больных любой страны и любого вероисповедания, любого достатка, с говорящим за себя девизом *urbi et orbi* (городу и миру), и повреждения ума в том госпитале, со слов очевидцев, лечили работами на земле, в саду: жали пшеницу, подвязывали виноградную лозу, собирали виноград и оливки – не правда ли, транквилизирующие занятия?

Другие госпитали испанцы открыли в 1435 году в Толедо, в 1489 году в Вальядолиде и в 1540 году в Мадриде.

Брали сюда всякого пациента – вне зависимости от чина, национальности или веры. Ах да, есть ещё одно упоминание французского психиатра Жан-Этьена Доминика Эскироля о небольшой средневековой французской деревушке Гель – правда, сделано оно было в середине 19 века, но заселялась она сумасшедшими ещё тогда, в Средние века.

«Четыре пятых обитателей – безумцы, причём в полном смысле слова, и они беспрепятственно пользуются той же свободой, что и остальные её жители... Здоровая пища, чистый воздух, все слагаемые свободы – таков предписанный им режим, и подавляющее большинство по истечении года достигают благодаря ему полного выздоровления».

Вы спросите: а как же Бедлам? Известнейший и ставший нарицательным дурдом, открылся чёрт-те когда – разве он не достоин оказаться в тройце первых? Может быть, может быть, но с рядом оговорок.

Вообще само название местечка – это своего рода ирония символизма. Ну кому, скажите, могло прийти в голову назвать сумасшедший дом Вифлеемом – местом, где родился Иисус? Ну ладно там американцы, которые на заре заселения страны повадились называть очередное свежестроенное местечко то Александрией, то Мемфисом. Но британцы-то с какого перепуга?

Всё просто. В 1246 году монашеское братство «Господа нашего из Вифлеема» построило за Епископскими воротами (позже район Бишопсгейт) лондонской городской стены странно-приимный дом – нечто вроде гостиницы и общаги в одном флаконе.

Почти веком позже, в 1330 году, странноприимный дом (что, кстати, было в тренде) стал больницей. В 1377 году в этой больнице появляются и сумасшедшие пациенты – правда, немного, не больше десятка. Название (поди-ка выговори даже в трезвом состоянии и при хорошей дикции – больница, основанная братством «Господа нашего из Вифлеема»!) постепенно укоротилось до просто «Вифлеема» (или *Bethlehem*), а потом – и до простонародного *Bedlam*, то бишь Бедлама.

В 1547 году его королевское величество Генрих VIII широким жестом подарил больничку городу. Ну а городская община не стала плодить сущностей и оставила в ней дурдом, только пациентов там стало побольше: где-то порядка полусотни или около того. Нашлось куда пристроить городских сумасшедших. Нарипательным Бедлам станет позже – и о том, почему, речь ещё зайдёт.

Забегая немного вперед, в периоды Высокого и Позднего Возрождения, скажу, что именно XIV век становится веком создания сумасшедших домов по всей Европе. Почему не психиатрических больниц, я уже пояснил: пока ещё по-прежнему не столько лечат, сколько держат внутри.

Так, в Германии в 1544 году добрые жители Пфюрцхайма, тогда ещё не успевшего прославиться своими часами и золотыми украшениями, написали в Эслинг прошение позволить им посмотреть своими глазами «благоустроенные помещения для душевнобольных, так как они, пфюрцхаймцы, намерены завести у себя такие же».

В 1576 году в Вюрцбурге (том самом, где за 450 лет до того произошёл первый на немецких землях рыцарский турнир и где спустя полвека сожгут 900 ведьм во время Охоты) при Юлиевском госпитале организуется сумасшедший дом, примерно в эти же годы подобные дома открываются в Нюрнберге, во Франкфурте-на-Майне, Бранденбурге, Берлине, Мекленбурге, Любеке и Бремене.

Магистрат Цюриха подошёл к вопросу размещения сумасшедших со всей швейцарской основательностью: в 1570 году он постановил построить для них два приюта. И держать каждого пациента на цепи. Причём не только буйных, но и вполне себе спокойных. Во избежание, так сказать: мол, уж мы-то знаем, как суровы наши швейцарские ребята и девчата. Правда, всем постояльцам этих двух приютов ежедневно за счёт города в лечебных целях выделялось вино, что несколько примиряло бедолаг с суровой действительностью. Ну и от кишечных инфекций заодно хранило, ибо понос в дурдоме – страшнее пожара в борделе.

Городские хроники Цюриха, кстати, сохранили свидетельство о том, что в 1599 году тут, в одном из приютов, был прикован цепью за пояс к стене один портной. Ему позволяли заниматься своим ремеслом, но домой не отпускали до тех пор, пока не станет ясно, что искус (видимо, помешательство сочли именно дьявольским искусом) прошёл и подвоха с его стороны можно более не опасаться.

Надо заметить, что цепи в сумасшедших домах того времени – явление практически повсеместное. Да, лечить в этих учреждениях по-прежнему не лечат, в подавляющей массе случаев просто держат либо до окончания дней, либо до прояснения в мозгу, а если и применяются какие-то меры, чтобы это самое прояснение ускорить, то по принципу «выбить дурь из головы». То есть плети, розги и коррекционные звездюли.

И всё же, даже при таком суровом средневековом, а позже и ренессансном оллинклюзиве, заведения эти не пустуют. Причём многих пациентов даже не надо ловить и силой туда водворять: сами идут, бедолаги. Почему? Да потому что начинается эпоха Возрождения, и житьё-бытьё душевнобольных, и ранее-то на мёд ну никак не похожее, становится ещё хуже и всё чаще оказывается под большим вопросом.

Эпоха возрождения

Новые веяния. Во всём

Казалось бы – эпоха Возрождения, рост островков светской культуры, смещение акцентов от религиозных догматов церкви к человеку и делу рук его, реанимация античной культуры и новый виток интереса к трудам учёных и философов тех далёких веков. Но давайте проследим, где же и что именно пошло не так.

Не будем перечислять, сколько правителей и стран успело поучаствовать в акции «Закат Византийской империи вручную». Одним из итогов падения некогда великой державы стала массовая миграция граждан бывшей Византии в Европу (ну не в Турцию же, в самом деле, им было податься – разве что если настойчиво попросят и верёвку на шею накинут).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.